

На правах рукописи

ДЕ БОЛЛИВЬЕ МАРК ЛУИ

**ОТРАЖЕНИЕ КРЫМСКОЙ КАМПАНИИ В СВИДЕТЕЛЬСТВАХ
РОССИЙСКИХ И ФРАНЦУЗСКИХ ВОЕННЫХ:
ИСТОРИКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Москва – 2020

Работа выполнена на кафедре истории России
Федерального государственного автономного образовательного
учреждения высшего образования «Российский университет дружбы
народов» и на базе Университетской лаборатории «История, Культура,
Италия, Европа» Университета Гренобль-Альпы (Франция)

Научные руководители: **ЛИНЬКОВА Елена Валентиновна**
доктор исторических наук
ВЕНЕР Сильвен
доктор истории

Официальные оппоненты: **ГЛАДЫШЕВ Андрей Владимирович**
доктор исторических наук, доцент,
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования «Саратовский национальный
исследовательский государственный университет имени
Н.Г. Чернышевского»,
профессор кафедры Всеобщей истории

МЕЛЬНИКОВА Любовь Владимировна
кандидат исторических наук,
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт российской истории Российской академии наук,
ведущий научный сотрудник Центра истории религии и церкви

ЧУДИНОВ Александр Викторович
доктор исторических наук,
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт всеобщей истории Российской академии наук,
главный научный сотрудник,
руководитель лаборатории «Мир в эпоху Французской революции
и Наполеоновских войн» Отдела Новой и Новейшей истории

Защита состоится « _____ » _____ 2020 г. в _____ часов на заседании
диссертационного совета при Российском университете дружбы народов по адресу:
117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. в зале Ректората.

С диссертацией можно ознакомиться в УНИБЦ (Научная библиотека) Российского
университета дружбы народов по адресу: 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6.

Автореферат разослан « _____ » _____ 2020 г.

Ученый секретарь диссертационного
совета, кандидат исторических наук,
профессор

Е. В. Кряжева-Карцева

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Крымская война 1853-1856 гг., ставшая результатом обострения геополитических, экономических, религиозных и даже цивилизационных противоречий между Россией и странами Западной Европы привлекла к себе повышенное внимание не только участников и свидетелей событий, но и всей многонациональной аудитории того времени. Однако, несмотря на значимость и масштабы Крымской кампании, которую некоторые аналитики рассматривают как первый опыт противостояния двух цивилизаций, в научном сообществе и общественном сознании она долгое время находилась в тени Первой и Второй мировых войн. И даже во Франции, увековечившей свои сражения в Крыму в названиях бульваров и улиц Парижа и воспринявшей победу как реванш за катастрофу 1812 г., обращение к истории Крымской кампании носило эпизодический характер. В России наблюдался несколько иной подход: Крымская война служила предметом многочисленных исследований и дискуссий, которые все же не охватывали всех ее граней.

За пределами научного дискурса оказалась, прежде всего, историко-антропологическая составляющая войны. Между тем любой военный конфликт – это переплетение миллионов судеб, эмоции, страхи и радости, надежды и их крушение. Однако за описанием сражений, дипломатических ходов и пр. российские и зарубежные ученые долгое время упускали из вида человека с его страстями и мыслями, творца этих событий. Данное исследование и призвано частично восполнить образовавшуюся лауну.

Актуальность темы определяется, прежде всего, необходимостью изучения человека, его эмоций и размышлений в экстремальных условиях военного конфликта. К тому же анализ отражения Крымской кампании в свидетельствах французских и российских военных дает возможность выявить ментальную специфику ее восприятия представителями различных культур и социумов. Не теряет своего современного звучания и проблема отношения военных противоборствующих держав к товарищу и врагу, войне и миру, родине и власти. Представляется, что размышления и оценки участников событий середины XIX в. не утратили своего значения и сегодня. А использование актуальных методов микроистории позволит по-новому реконструировать сам ход войны.

Обращаясь к истории Крымской кампании, необходимо, прежде всего, отметить различия в восприятии и в освещении войны в России и во Франции. Собственно, и само обращение к теме исследования во Франции и России имеет свои особенности.

В современной Франции заметна тенденция переосмысления Крымской войны, которая изучается, прежде всего, в контексте истории Второй империи, а лишь затем как эпизод военной истории. Причем тема войны как события, повлиявшего на социокультурное развитие страны, получает большую популярность, нежели освещение череды сражений. Повседневная жизнь солдат и офицеров, гражданского населения, исследуется наравне со структурой армий, деятельностью полководцев, тактикой и стратегией.

В этом контексте освещение Крымской кампании через призму историко-антропологического материала представляется чрезвычайно полезным и ценным, тем более что и сама война, и новый ракурс ее осмысления остаются в значительной степени неизвестными ни широкой общественности, ни научному сообществу Франции.

Несмотря на то, что в России сложилась иная историографическая ситуация, отмеченная регулярным появлением новых работ о Крымской войне, подход отечественных историков остается в целом традиционным, основанным на анализе военных и политических событий.

Представляется, что именно транснациональный взгляд на Крымскую кампанию дает возможность дифференцировать новые направления и грани в исследовании войны, утвердить их научную значимость.

Объектом исследования является комплекс материалов, включающий различные документальные свидетельства французских и российских участников Крымской войны.

Предметом исследования является образ Крымской кампании в его историко-антропологическом контексте, нашедший свое отражение в эпистолярном наследии, мемуарах, дневниках и др. свидетельствах французских и русских военных.

Хронологические рамки исследования определяются 1854 - началом 1900-х гг. Если нижняя хронологическая граница вполне очевидна: дата вступления армий союзников в войну, начало собственного того, что получило во Франции название Крымской кампании, то выбор верхней границы требует

отдельного пояснения. До начала 1900-х гг. публиковались многочисленные прижизненные свидетельства ветеранов Крымской кампании, что и стало критерием ее определения.

Географические рамки исследования ограничиваются Крымским полуостровом, на котором разворачивались военные действия, нашедшие отражение в объекте исследования.

Цель исследования заключается в реконструкции и осмыслении картины Крымской кампании 1854-1856 гг. сложившейся в представлениях российских и французских военных.

Достижение поставленной цели предполагает постановку и решение следующих научных **задач**:

- выявить и проанализировать корпус источников, репрезентативных с точки зрения отражения в них свидетельств о Крымской кампании 1854-1856 гг.;

- выявить и проанализировать историографическую традицию изучения антропологических аспектов Крымской войны;

- дифференцировать и исследовать общее и особенное в представлениях французов и русских о войне, боевых действиях и повседневной жизни;

- определить историко-антропологические аспекты Крымской кампании: восприятие насилия, смерти, страданий, ранений, товарищества и др.;

- проанализировать представления военных о противнике, его сильных и слабых сторонах, поведении в бою и т.д.;

- рассмотреть влияние воспоминаний ветеранов Крымской войны на формирование общественного мнения двух стран.

Степень разработанности темы. Обращение к историографии дает возможность выявить степень изученности проблемы в российской и зарубежной исторической науке.

Историографию темы можно разделить на несколько групп: во-первых, общие работы о Крымской войне, в которых, хотя бы эпизодически, освещалось восприятие участников военных действий 1854-1856 гг.

Вторая группа, – труды по военной истории России и Франции XIX в., в которых рассматривались вопросы специфики комплектования армии, вооружений, тактики и военной стратегии.

Третья группа, – работы по военной исторической антропологии, посвященные повседневной жизни солдат и офицеров на крымском театре военных действий. Причем все группы можно разделить на российскую и западноевропейскую историографию.

Научный интерес к Крымской кампании проявился в работах российских историков, в которых можно выделить два основных направления. К первому следует отнести те, которые освещали международные аспекты войны (причины, итоги Парижского конгресса, дипломатическую борьбу)¹, ко второму - описание военных действий².

В советской историографии изучение Крымской войны занимало заметное место в ряду исследований, посвященных внешней политике России XIX в. Один из крупнейших историков того времени - Е.В. Тарле сумел не только раскрыть международную проблематику середины XIX в., но и представить картину баталий на Крымском театре военных действий³, Советскими историками изучались также вопросы дипломатии⁴, вооружения в годы войны, боеспособности армии и флота, тактики сражений⁵.

Работы современных российских авторов отличаются разнообразием в выборе предмета исследования. Они обращаются к международной

¹ *Погодин М.П.* Историко-политические письма и записки в продолжение Крымской войны (1853 - 1856). М., 1874; *Татищев С.С.* Русская дипломатия, старая и новая. Европа накануне Восточной войны 1853-1856 годов. Poleмические статьи о дипломатии. М., 2017; *Татищев С.С.* Император Николай и иностранные дворы. Исторические очерки. СПб., 1889; *Татищев С.С.* Внешняя политика Императора Николая Первого. Введение в историю внешних сношений России в эпоху Севастопольской войны. СПб., 1887; *Фадеев Р.А.* Мнение о восточном вопросе. По поводу последних решений на «Вооруженные силы России». СПб., 1870; *Фадеев Р.А.* Наш военный вопрос. Военные и политические статьи. СПб., 1873; *Фадеев Р.А.* Черноморский военный театр. По поводу Крымской железной дороги. СПб., 1870; *Чичерин Б.Н.* Восточный вопрос с русской точки зрения. М., 1860.

² *Богданович М.И.* Крымская война 1853 - 1856 гг. М., 2014; *Бестужев И.В.* Крымская война 1853 - 1856 гг. М., 1956; *Виниченко М.В.* Оборона Севастополя 1854-1855. Наземно-подземное противостояние. М., 2007; *Дубровин Н.Ф.* 349 - дневная защита Севастополя. СПб., 2005; *Дубровин Н.Ф.* Восточная война 1853 - 1856 годовъ - Обзоръ событий по поводу сочинения М.И. Богдановича составил Н. Дубровинъ. СПб., 1878; *Дубровин Н.Ф.* Первая оборона Севастополя 1854-1856 гг. М., 2014; *Скицкий Н.В.* Крымская война 1853 - 1856 годы. М., 2006; *Яковлев А.* Крымская война 1853 - 1856. М., 2007; *Балуевский Ю.Н.* Генеральный штаб российской армии: история и современность. Академический Проект Министерство Обороны Российской Федерации. М., 2006.

³ *Тарле Е.В.* Крымская война (2 тома). СПб., 2011; *Тарле Е.В.* Нахимов. М., 1940.

⁴ *Кухарский П.Ф.* Франко-русские отношения накануне Крымской войны. Л., 1941.

⁵ *Мавродин В.В.* Перевооружение русской армии и флота стрелковым оружием перед Крымской войной и в начале военных реформ (1830-1867 гг.). Л., 1973; *Бестужев И.В.* Крымская война 1853-1856 гг. М., 1956; *Бушуев С.К.* Крымская война (1853-1856 гг.). М., 1940.

обстановке того времени⁶, общественному мнению времен войны⁷, военной подготовке французской и русской армий⁸, российско-французским отношениям XIX в.⁹ и др. Несомненной ценностью отличаются работы историка Л.В. Мельниковой, занимающейся проблемой, не нашедшей отражения в зарубежной историографии, - ролью религиозного фактора во время Крымской кампании, а также деятельностью Русской православной церкви в Крыму в 1854-1856 гг.¹⁰

Историко-антропологические аспекты войны нашли свое отражение в исследованиях А.В. Гладышева¹¹. По его мнению, «сегодня проблематика военно-исторической антропологии активно осмысливается как на теоретическом, так и на конкретно-историческом уровнях»¹². Историко-антропологический подход, полагает ряд исследователей, расширяет

⁶ Багдасарян В.Э. Русская война: столетний историографический опыт осмысления Крымской кампании. М., 2002; Багдасарян В.Э. К 160-летию начала Крымской войны: взгляд через призму теории борьбы цивилизаций // Блог Багдасаряна. 2013. <http://vbagdasaryan.ru/k-160-letiyu-nachala-kryimskoou-voynui-vzglyad-cherez-prizmu-teorii-borbyi-tsvivilizatsiy/>; Смирнов А. Крымская война и русское общество // Историческое обозрение: Отечественная история, № 1. 2000.

⁷ Арсланов Р.А., Линькова Е.В. Страны Запада и их внешняя политика в восприятии российских консерваторов и либералов XIX века. М., 2018.

⁸ Чудинов А.В. С кем воевал русский мужик в 1812 году? Образ врага в массовом сознании // Французский ежегодник 2012: 200-летний юбилей Отечественной войны 1812 года. М., 2012. С. 336 - 365; Чудинов А.В. Солдаты свободы» или смертельный враг? Французы в Южной Италии 1798-1799 гг. // Известия УрФУ. Серия 2. Гуманитарные науки, 2016. Т. 18. № 2. С. 25 - 41.

⁹ Aberdam S., Tchoudinov A. (dir) Ecrire l'histoire par temps de guerre froide. Soviétiques et Français autour de la crise de l'Ancien régime. Paris, 2014; Черкасов П.П. Александр II и Наполеон III. Несостоявшийся союз (1856-1870) М., 2015.

¹⁰ Мельникова Л.В. Оборона Соловецкого монастыря в годы Крымской войны: военный и религиозный аспекты // Российская история, 2010, № 5. С. 165 - 182; Мельникова Л.В. Святые места в центре Восточного вопроса. Церковно-политический фактор как одна из причин Крымской войны // Отечественная история, № 6. 2008. С. 61 - 75; Мельникова Л.В. Иерархи Русской Православной Церкви в годы Крымской войны (1853-1856 гг.) // Церковь в истории России, № 9. М. 2010. С. 125 - 151; Мельникова Л.В. Военное и морское духовенство в годы Крымской войны 1853-1856 гг. // Военно-исторический журнал. издание минобороны России. 2012. <http://history.milportal.ru/duhovenstvo/>

¹¹ Гладышев А.В. Антропологический поворот в военной истории // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М, 2017. Т. 59. С. 136 - 150; Гладышев А.В. Оккупация как предмет военно-антропологических исследований // Французский ежегодник 2018: Межкультурные контакты в период иностранной оккупации. М., 2018. С. 10 - 21; Гладышев А.В. Великие сражения в исторической памяти или Почему машут кулаками после драки // История и историческая память: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. А.В. Гладышева. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2019. Вып. 18. С. 167 - 182.

¹² Гладышев А.В. Оккупация как предмет военно-антропологических исследований // Французский ежегодник 2018: Межкультурные контакты в период иностранной оккупации. М., 2018. С. 15.

концептуальные рамки изучения Крымской войне, позволяет понять феномен человека на войне, фронтовую жизнь, медицинскую службу и т.д.¹³.

Большой вклад в исследование проблемы вносят труды Ассоциации военно-исторической антропологии и психологии «Человек и война» и сотрудников ИРИ РАН, объединившихся в рамках издания ежегодника «Военно-историческая антропология». Коллективом историков под руководством Е.С. Сенявской были изучены многочисленные проблемы, связанные с «человеческим измерением» войны¹⁴. При этом особое внимание уделялось необходимости сделать предмет исследований «простого человека с его мыслями, чувствами, мотивациями поступков и реальным поведением»¹⁵.

Обращаясь к западноевропейской историографии Крымской кампании, необходимо признать, что военная история – это одна из наиболее изученных сфер французской исторической науки¹⁶. Военная история или «история сражений» (а именно такой термин был предложен школой Анналов) стала особенно популярной во Франции в 1970-х гг.¹⁷. Однако изучение Крымской войны началось еще в эпоху Второй империи (1852-1870 гг.). Первые работы, как и в России, появились уже в 1854-1856 гг. Они были основаны на изучении различных документальных материалов и посвящены причинам и ходу войны, хронологии событий¹⁸. Причем и во французских, и в российских работах данного периода ведутся дискуссии о виновниках войны. Для французов

¹³ *Наумова Ю.А.* Ранение, болезнь и смерть. Русская медицинская служба в Крымскую войну (1853-1856). М., 2010.

¹⁴ Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2002. Предмет, задачи, перспективы развития. М., 2002. С. 4.

¹⁵ *Сенявская Е.С.* Военно-историческая антропология как новая отрасль исторической науки // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2002. Предмет, задачи, перспективы развития. М., 2002. С. 6.

¹⁶ См. подробнее *Линькова Е.В., Де Болливье М.* Французская историография Крымской войны (1853-1856 гг.): основные направления и тенденции. (научная статья) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «История России». 2020. Т. 19, № 1. С. 240 - 253.

¹⁷ *Rousset C.* Histoire de la guerre de Crimée. Atlas. Paris, 1878.

¹⁸ *Bazancourt C.L.* La marine française dans la Mer noire et la Baltique : chroniques maritimes de la guerre d'Orient. Deux volumes. Paris, 1856-1857; *Bazancourt C.L.* L'expédition de Crimée. L'armée française à Gallipoli, Varna et Sébastopol. Deux volumes. Paris, 1860; *Bazancourt C.L.* L'expédition de Crimée jusqu'à la prise de Sébastopol : chroniques de la guerre d'Orient. Paris, 1856; *Ferbalier M.* Histoire de la campagne de Crimée et du siège de Sébastopol par M. de Ferbalier, officier d'état-major. Paris, 1854; *de Giustiniani H.* Commentaire sur les opérations militaires en Crimée. Paris, 1857.

особенно актуальным становится спор сторонников и противников вступления в Крымскую кампанию¹⁹.

С появлением школы Анналов происходит трансформация в изучении войны. Начинается исследование повседневной жизни военных в Крыму, деятельности медицинской и интендантской служб²⁰, санитарно-эпидемиологической обстановки²¹ и т.д. Поражает своей глубиной и объемом использованных материалов монография А. Гутмана, который фактически, вернул Крымскую войну «в коллективную память французов»²². Однако при всей масштабности, работа А. Гутмана не основывается на историко-антропологическом подходе, автор не преследовал цель показать повседневную жизнь солдат, психо-эмоциональные аспекты войны.

В современном французском научном сообществе наблюдается активизация интереса к истории Крымской кампании, которая трактуется как первая современная война, предмировая по своему характеру²³.

Безусловно, история Крымской кампании привлекает внимание не только французских и российских историков, но и исследователей из других стран, прежде всего, участниц конфликта – Турции, Великобритании, Италии. При этом важно отметить, что если турецкая и итальянская историография довольно ограничена, то англосаксонская традиционно уделяет большое внимание международным отношениям XIX в. В работах К. Понтинга и О. Файджеса представлена английская версия событий в Крыму (весьма спорная, однако, с точки зрения российских историков). Американский исследователь Р. Эдгертон провел сравнение состояния армий союзников,

¹⁹ *Lamarche H.* L'Europe et la Russie – Remarques sur le siège de Sébastopol et sur la paix de Paris. Paris, 1857; *Urquhart M.* La force navale supprimée par les puissances maritimes – Guerre de Crimée. Grenoble, 1873.

²⁰ *Fredj C.* Médecins en campagne, médecine des lointains. Le service de santé des armées en campagne dans les expéditions lointaines du Second Empire (Crimée, Chine-Cochinchine, Mexique), sous la direction de Monsieur Daniel Nordman. Thèse EHESS, 2006; *Scherpereel Ph.* Médecins et infirmières dans la guerre de Crimée 1854-1856. Paris, 2016.

²¹ *Lemaire M.* La guerre de Crimée : Chronique et analyse d'un désastre sanitaire (1854-1856), Thèse de doctorat en Histoire militaire et études de la défense, sous la direction de Jean-Charles Jauffret. Montpellier, 2006.

²² *Goultman A.* La guerre de Crimée 1853-1856. La première guerre moderne. Paris, 2006 [1995].

²³ *Becker J-J, Audoin-Rouzeau S.* La France, la nation, la guerre 1850-1920. Paris, 1995; *Boudon J-O.* (dir) Le choc des empires. France et Russie 1798-1870. Paris, 2018; *Avenel J.* La campagne du Mexique (1862-1867). La fin de l'hégémonie européenne en Amérique du Nord. Paris, 1996; *Boulaire A.* La marine française. De la Royale de Richelieu aux missions d'aujourd'hui. Quimper, 2011; *Audoin-Rouzeau S.* Combattre. Une anthropologie historique de la guerre moderne (XIXe-XXe siècle). Paris, 2008; *Audoin-Rouzeau S., Becker A.* 14-18 Retrouver la guerre. Paris, 2003. *Barrois C.* Psychanalyse du guerrier. Paris, 1993.

изучил историю осады Севастополя. Однако, при всем многообразии посвященных Крымской войне работ, до сих пор не была освещена ее антропологическая сторона.

Таким образом, можно отметить, что на протяжении десятилетий во французской исторической науке среди исследований, посвященных военной проблематике, преобладали те, что изучали Первую мировую войну. Историки проанализировали различные грани войны, реконструировали сражения, выявили настроения среди солдат и офицеров, рассмотрели повседневную жизнь на фронтах и в тылу. При этом данные аспекты в изучении войн не распространялись на другие конфликты, в которых Франция принимала участие. Вследствие чего представляется чрезвычайно важным и интересным с научной точки зрения, провести реконструкцию Крымской кампании с тех же методологических позиций, которые применялись к изучению Первой мировой войны.

Что же касается российской/советской историографии, то внимание историков традиционно концентрировалось на изучении батальи, биографий полководцев и флотоводцев, международной ситуации. Микроисторические исследования Крымской кампании не снискали популярности в российской исторической науке, а вопросы повседневной жизни военных в Крыму в 1854-1856 гг. практически не изучены.

Научная новизна исследования заключается в том, что оно стало первым для российской и французской историографии опытом рассмотрения Крымской войны сквозь призму ее восприятия участниками событий. Данный ракурс потребовал использования современного историко-антропологического подхода, что дополняет новизну работы. Новаторским является также проведение сравнения восприятия войны представителями противоборствующих сторон. Следует отметить и введение в научный оборот новых источников за счет их перевода с французского на русский и с русского на французский язык.

Источниковая база исследования весьма обширна и включает в себя комплекс опубликованных и неопубликованных материалов.

Неопубликованные источники отложились в трех российских и одном французском хранилище: Архиве внешней политики Российской империи

(АВПРИ) (Москва)²⁴, Российском военно-историческом архиве (РВИА) (Москва)²⁵, Российском государственном историческом архиве (РГИА) (Санкт-Петербург)²⁶, Архиве Исторической службы обороны Франции (SHD - Service historique de la Défense français) (Винсенн)²⁷.

Опубликованные источники были изданы как отдельные работы, так и в составе сборников, и периодических изданий²⁸. Благодаря этому они получили популярность и влияли на восприятие Крымской кампании в массовом сознании двух стран.

Диссертационное исследование базируется на двух видах письменных источников. Во-первых, это источники личного происхождения: мемуары и частные письма, дневники, записки. Кроме того, в качестве источниковой базы мы использовали художественные (романы) и фольклорные (тексты песен) произведения, которые были написаны участниками войны. Перечисленные материалы помогли сформировать представление о Крымской кампании, ее военной стороне и повседневности, которые доминировали в сознании основных участников. При этом нужно отметить, что данная группа источников отличается определенной степенью субъективности, в них представлено личное, эмоциональное восприятие увиденного. Поэтому при анализе источниковой базы мы учитывали подобные особенности источника, как «носителя социальной информации»²⁹.

²⁴ АВПРИ. Ф. 133 Канцелярия. 1854. 469 92, Mémoires pour l'année 1854; Ф. 133 Канцелярия. 1855. 469 85, Correspondance entre la chancellerie et le ministère de la Guerre en 1855.

²⁵ РВИА. Ф. 481 Оп. 1 № 1 1853, мая 21 - 1855, авг. 20. Переписка главнокомандующего сухопутными и Морскими силами в Крыму адмирала А.С. Меншикова с военным министром В.А. Долгоруковым об укреплении Севастополя силах и намерениях противника, о снабжении войск; Ф. 481 Оп. 1 №28, 1855, 20 июня. Описание отражения штурма Севастополя союзными войсками от июня 1855. сост. М.Д. Горчаков; Ф. 481 Оп. 1 № 64, Воспоминания доктора А.А. Генриши о войне 1853-1856 и о медицинском обслуживании войск ч. II 101 + 18 иллюстрации.

²⁶ РГИА. Ф. 651. Дд. 369, 373, 375, 376, 380, 383, 384, 421.

²⁷ SHD. GR 7 YD 1595 THOUMAS Charles; GR 9 YD 57 FAY Charles-Alexandre; GR 1 K 73 Fond privés Guerre; GR 1 K 184 Fond Sereville; GR 1 KT 213 Fond Eckenfelder; GR 1 KT 478 1 Fond de Salles; GR 1 KT 579 Fond Grisey; GR 1 KT 1166 Fond Compère — *Colonel Louis Normand*; GR 1KT 1427 Fond Lavigne-Deville; Gr 1 KT 13781 Fond capitaine Louis Brindejone; MV 16 GG² 1 Boüet-Willaumez; MV 53 GG² 1 Renaud; MV 57 GG² 1 Riant; MV 130 GG² 1 Régley; MV 154 GG² 1 Rieunier.

²⁸ Глебов П. Записки П.Н. Глебова // Русская старина. 1905. № 1. С. 94 - 112; Орда А. Письмо севастопольца // Русская старина. 1893. № 12. С. 609 - 614.

²⁹ Георгиева Н.Г. Классификация и полифункциональность исторических источников // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «История России». 2016. Т. 15. № 1. С. 13.

Официальные источники, в основном делопроизводственные документы³⁰, также составили корпус источниковой базы исследования. Речь идет о переписке между отдельными командирами, министерствами и ведомствами. Причем большая часть источников впервые вводится в научный оборот, является неопубликованной и не исследованной ранее в произведениях о Крымской кампании. Освещая источниковую базу исследования, необходимо подчеркнуть, что одним из принципов являлось максимально сбалансированное изображение войны как со стороны военных Франции, так и России.

Источниковая база исследования представляется репрезентативной и позволяет решить поставленные задачи.

Методологическая база исследования. Помимо общеисторических принципов (историзма, историко-сравнительного метода), методологические подходы, применяемые в настоящем исследовании, соответствуют специфике и характеру источниковой базы работы. Речь идет о методологии военной истории, микроистории, исторической антропологии, истории культуры и истории внешней политики. В настоящем исследовании применяются методы исторической антропологии, реконструируется эмоциональная сторона войны, чувства и переживания людей, оказавшихся на передовой военного конфликта. Представляется, что применение социокультурного, подхода в освещении Крымской кампании дает возможность увидеть войну «изнутри», глазами военных, имевших свое видение событий, в которых они участвуют.

Не менее значимой является реконструкция проблемы понимания и восприятия характера войны в русском и французском обществе, в частности среди военных. В настоящей работе проводится сравнение представлений о войне в эпоху наполеоновских завоеваний и в 1850-е гг., дается оценка основных суждений и установок французских и русских военных, рассматривается их трансформация.

³⁰ АВПРИ. Ф. 133 Канцелярия 1854 469 92, Mémoires pour l'année 1854; Ф. 133 Канцелярия 1855 469 85, Correspondance entre la chancellerie et le ministère de la Guerre en 1855; РГВИА. Ф. 481 Оп. 1 № 1, 1853, мая 21 - 1855, авг. 20. Переписка главнокомандующего сухопутными и Морскими силами в Крыму адмирала А.С. Меншикова с военным министром В.А. Долгоруковым об укреплении Севастополя силах и намерениях противника, о снабжении войск; Ф 481 Оп. 1. № 28, 1855, июня 20. Описание отражения штурма Севастополя союзными войсками от июня 1855. сост. М. Д. Горчаков; Ф. 651 Оп.1 Д. 384. Расчет числа людей необходимых для занятия укреплений оборонительной линии во время осады Севастополя; Ф. 651, Оп. 1, Д. 421. Обзор устройства и состояния госпиталей в войну 1853-1856 годов.

В силу междисциплинарного характера настоящего исследования вполне оправданным было использование тех подходов, которые приняты в социологии, психологии и литературоведении. Данные методические подходы обеспечили научную достоверность исследования.

Теоретическая и практическая значимость исследования заключается в выявлении и анализе малоизученных свидетельств о Крымской войне, а также в новых подходах к изучению тех событий, которые становились предметом исследования историков на протяжении второй половины XIX – начала XXI вв.

О значимости научного исследования свидетельствует привлечение оригинальных источников на русском и французском языке. Общие положения работы могут служить в качестве вспомогательных материалов для разработки спецкурсов для студентов исторического направления, а также военных ВУЗов России и Франции.

Положения, выносимые на защиту.

1. Центральным элементом в восприятии войны является сражение, именно битвам Крымской кампании посвящено наибольшее количество мемуарной литературы и эпистолярного наследия французских и русских военных. Став главной силой любой военной операции со времен Петра I, Фридриха II и Наполеона I, генеральное сражение, становится главным элементом повествования военных, затмевая собой другие аспекты.

2. При описании военных действий и в русских, и во французских источниках содержится определенная идеализация войны, свойственная европейским обществам первой половины XIX в., что было связано еще с эпопеей наполеоновских войн. В сочетании с романтическим "злом века" и стремлением к приключениям, славе и мужественным поступкам Крымская война зачастую воспринималась именно через эту призму.

3. Вполне очевидно, что при всей романтизации войны, солдаты и офицеры сталкивались и с сугубо прагматическими аспектами. С одной стороны, в военных действиях использовались многовековые принципы ведения боя и осады, с другой – появился ряд новшеств в области вооружения и материально-технического обеспечения, которые изменили ход кампании. Перед лицом этих изменений необходимо было учиться иному способу ведения войны, оценивать эффективность новых видов оружия, которые были

созданы благодаря промышленной и технологической революции первой половины XIX в.

4. Восприятие войны, а также модель поведения военных, сложившиеся в наполеоновскую эпоху, оказали влияние на представления солдат и офицеров Крымской кампании. Клише и стереотипы поведения и эмоционального фона оказались столь устойчивыми, что во многом благодаря событиям 1853-1856 гг. «перекочевали» в последующую эпоху и встречаются в документах XX в., демонстрируя тем самым некоторую преемственность в написании таких рассказов, независимо от носителя.

5. При наличии определенных особенностей в восприятии Крымской войны российскими и французскими военными, следует отметить и наличие общих черт, что демонстрирует некую транснациональность мышления военных: минимизацию эмоций, подчеркивание героизма и пр.

6. Крымская кампания для военных России и Франции не была столкновением наций, религий или культур. Во всяком случае, во многих свидетельствах, особенно французских, присутствует желание выказать уважение к противнику, приводятся анекдоты, свидетельствующие о взаимопонимании и даже добром отношении, которое могло царить в обоих лагерях в периоды затишья. Данный факт чрезвычайно важен при исследовании характера русско-французских отношений в середине XIX в.

Достоверность результатов диссертации обеспечивается привлечением широкого круга источников и литературы, посвященной исследуемой проблеме, всесторонним анализом работ российских и зарубежных исследователей, отражающих процесс формирования и эволюции представлений французских и российских солдат и офицеров о Крымской кампании.

Выводы настоящей работы прошли **апробацию** и нашли свое отражение в 6 научных статьях (из которых 1 статья вышла в журнале, входящем в международную базу научного цитирования Web of Science, 2 опубликованы в журналах из списка РУДН, рекомендованных для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук). Выводы и положения, выносимые на защиту, становились предметом докладов на конференциях, проводимых в Российском университете дружбы народов, Университете Гренобль-Альпы (Франция), Исторической службе

обороны Франции (Франция), на заседаниях Университетской лаборатории Университета Гренобль-Альпы «История, Культура, Италия, Европа» (Франция). Данные работы были направлены как на подготовку исследования о взаимном восприятии французских и русских военных, так и на обзор французской историографии Крымской войны.

Диссертация обсуждалась на заседании кафедры Истории России Российского университета дружбы народов, была одобрена и рекомендована к защите.

Структура диссертации определена целями и задачами исследования и представляет введение, три главы (сгруппированные по проблемному принципу), заключение и приложение. Данная структура позволила выявить многогранные аспекты восприятия Крымской кампании в мемуарах, записках и письмах ее участников с российской и французской стороны и тем самым решить задачи, поставленные в работе.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Введение включает обоснование темы, ее актуальность, новизну, определение предмета и объекта, цели и задач, хронологических рамок исследования. Во введении формулируются положения, выносимые на защиту, дается характеристика источниковой и историографической базы, определяется практическая значимость исследования.

Первая глава «Сражения Крымской войны в свидетельствах российских и французских военных» посвящена анализу восприятия боевых действий в Крыму в 1854-1856 гг. солдатами и офицерами.

Первый параграф «*Основные сражения Крымской кампании*» посвящен определению самого термина «сражение» в эпистолярном наследии военных. Автор указал на то, что начиная с эпохи Средневековья описание сражений занимает важное место в произведениях о войне. Повествования о битвах Крымской войны чрезвычайно интересны тем, что дают представления об авторе, его убеждениях, личных чувствах и эмоциях, степени осведомленности и т.д. Именно на эти составляющие в описании сражений обращают внимание ряд французских историков, отмечая их «пропагандистский эффект» и влияние на формирование общественного

мнения³¹. Особенно широкое распространение получили произведения Л.Н. Толстого и Л. Нуара³².

Второй параграф «*Описание военной тактики в свидетельствах о сражениях*» посвящен изучению отражения боевых действий в записках военных. Например, ряд русских офицеров, оставили записки о тактике и стратегии своей армии³³. Особый интерес представляют два описания битвы при Черной речке французского капитана Жан-Жюль Гербе: первое – скупое, официальное; второе – подробное, изобилующее деталями, с включенным планом сражений. Офицер Шарль Александр Фей в конце своих мемуаров добавил план Херсонеса³⁴. Рассказы о тактических и стратегических аспектах сражений гораздо реже встречаются у унтер-офицеров и рядовых чинов. Так, русский рядовой Матвей Штыков в одном из своих писем извинялся за то, что не может рассказать о битве при Альме так подробно, как хотелось бы его адресату - дяде³⁵.

Можно отметить, что некоторые свидетельства военных оказываются столь же точными, как и отчеты о действиях или письма генералов. Выявлено, что военные стремились проанализировать не только ход битвы, но и военную стратегию (свою и противника), поразмыслить над дальнейшими операциями. Иногда это превращалось в критику общего руководства, как, например, в рассказе польского капитана Р. Ходасевича³⁶, русского офицера-дезертира, который писал свои мемуары для британского общества.

Третий параграф «*Описание личного опыта участия в сражении в рассказах военных*» посвящен анализу самооценки военных, размышлениям о личном вкладе в исход сражения, собственным действиям в бою. Зачастую

³¹ Drévilion H., Offenstadt N. Conclusion // La Bataille. Du fait d'armes au combat idéologique XIe-XIXe siècle sous la direction d'Ariane Boltanski, Yann Lagadec et Franck Mercier. Rennes, 2015. Pp. 275 - 281.

³² Noir L. Guerres de mon temps par Louis Noir. Paris, 1869; *Totlstoï L.* Les récits de Sébastopol. Traduit du russe par Louis Jousserandot. Paris, 2019 [1988].

³³ Богданович М.И. Указ. соч.; Балуевский Ю.Н. Указ. соч. С. 34 - 43; Аничков Военно-исторические очерки Крымской экспедиции. Ч. 1 / Аничков. СПб., 1856; *Herbé J-J.* Français & Russes en Crimée. Lettres d'un officier français à sa famille pendant la campagne d'Orient. Paris, 1892. Pp. 307 - 313.

³⁴ *Fay Ch-A.*, Souvenirs de la guerre de Crimée, 1854 -1856 par le Général Fay ancien aide de camp du Maréchal Bosquet. Deuxième édition. Paris/Nancy, 1889.

³⁵ Штыков М. Письмо изъ Крыма. Раненаго русскаго солдата къ дядѣ его, отставному унтеръ - офицеру Ивану Егорову Штыкову. М., 1855. С. 26 - 27.

³⁶ *Chodasiewicz R.* Voice from within the walls of Sevastopol: a narrative of the campaign in the Crimea and of the events of the siege. London, 1856. P. 72.

война становилась предметом фантазий и мечтаний для многих мужчин Европы. Мы пришли к выводу, что именно благодаря участию в сражении многие молодые люди получали возможность доказать свою мужественность и смелость. Этот взгляд на армию как на средство приобретения «патента на мужественность»³⁷ являлся плодом влияния ветеранов наполеоновских войн на поколение людей 1830-1850-х гг.

Тем не менее действительность значительно отличалась от тех картин, которые были изображены в сценах батальной живописи, представлены в романах и рассказах ветеранов. Как справедливо отмечает Д. Киган, зрение воина на поле боя сокращается, в результате он плохо осознает, что его окружает. Это очень ограниченное зрение существенно трансформирует «чувственный мир» поля битвы в XIX в., так как оно полностью покрыто пороховым дымом, который фактически ограничивал поле зрения солдата. К этому можно добавить крики, взрывы, свист пуль. Как утверждает Э. Мазурель, эта хаотичная вселенная порождает сильные и противоречивые эмоции, адреналин смешивается со страхом³⁸. Хаос битвы усиливается видом убитых, раненых, что является сильнейшим фактором деморализации. Знание или неосознанное предчувствие кошмарной вселенной поля битвы приводит к развитию у военных определенной веры в иррациональное³⁹. Примечательно, что это порой иррациональное поведение солдат почти не описывается в документальных свидетельствах военных. Можно назвать единичные работы, в которых хоть в малой степени, но присутствует описание подобных чувств и эмоций⁴⁰.

Французские и русские солдаты в Крыму в основном подчеркивали свой собственный героизм или героизм своих товарищей, не демонстрируя тех чувств, которые мало согласовывались с военным мужеством. Таким образом, страх или боязнь нападения упоминается редко, в противоположность индивидуальной храбрости. Это является предметом своего рода самооценки

³⁷ *Bertaud J-P.* L'armée et le brevet de virilité // Histoire de la virilité. 2. Le triomphe de la virilité. Le XIXe siècle. Sous la direction d'Alain Corbin. Paris, 2011. Pp. 63 - 79.

³⁸ *Mazurel H.* Enthousiasmes militaires et paroxysmes guerrier // Histoire des émotions. 3, De la fin du XIXe siècle à nos jours. Sous la direction d'Alain Corbin, Jean-Jacques Courtine et George Vigarello. Paris, 2017. Pp. 227 - 256.

³⁹ *Trévisi M., Vissière L.* Introduction // Le feu et la folie. L'irrationnel et la guerre (fin du Moyen-Âge-1920). Sous la direction de Laurent Vissière et Marion Trévisi. Pp. 7 - 18.

⁴⁰ *Bédarrides J-P.* Journal humoristique du siège de Sébastopol par un Artilleur. T. 1. Paris, 1868. Pp. 240 - 241.

и связано с тремя существенными проблемами. Во-первых, военные адаптировали свою речь для потенциальных читателей, во-вторых, социальные роли, распределенные в обществе навязывали определенные стереотипы: военный должен быть мужественным человеком, а в-третьих, офицеры и солдаты представляли войну (и стремились донести это представление в обществе) как своего рода братскую авантюру, общее дело, где нет места трусости и предательству. С другой стороны, можно подчеркнуть, что боевой дух в российской армии был очень высок, на что указывали сами участники, например Л.Н. Толстой: «Дух в войсках свыше всякого описания. Во времена древней Греции не было столько геройства. Мне не удалось ни одного раза быть в деле, но я благодарю Бога за то, что я видел этих людей и живу в это славное время»⁴¹.

Итак, первая глава показывает, что, несмотря на романтическое восприятие войны, офицеры и солдаты в конечном итоге оказались довольно скупыми в выражении своих эмоций, связанных с боем, демонстрируя в основном лишь такие качества, как мужество и храбрость⁴².

Во второй главе «Осада Севастополя глазами русских и французских военных» изучается восприятие тех событий, которые, по сути, явились ключевыми в истории Крымской кампании. Осада/оборона Севастополя нашла отражение во всех мемуарах и записках военных. Причем кроме непосредственно боевых действий именно в Севастополе, в ходе позиционной войны, начинаются более тесные контакты между русскими и французскими военными, что стало почвой для построения образа противника, для анекдотов, песен, рассказов.

В первом параграфе «*Осада Севастополя: особенности позиционной войны*» исследуются повседневные бои во время длительной осады Севастополя, которая по своей продолжительности в 349 дней и интенсивности сильно отличалась от других осадных кампаний, имевших место во время Крымской войны. Осада Севастополя – это, прежде всего, ежедневные стычки, сопровождавшиеся несколькими крупными сражениями. По своему характеру это были небольшие бои схожие с теми, что практиковались в колониальных войнах или во время греческой войны за

⁴¹ Толстой Л.Н. Письмо к С.Н. Толстому от 20 ноября 1954 г. Эски-Орда // Собрание сочинений в двадцати томах. Т. 17. М., 1965. С. 74.

⁴² См., например, *de Molènes P. Les commentaires d'un Soldat. Paris, 1860.*

независимость. К этим стычкам добавлялись регулярные ночные бои в виде рукопашных столкновений, вылазок, и, даже, мушкетерских дуэлей.

Наряду с этими ежедневными боями французские и русские солдаты в Крымской кампании боролись с огнем артиллерии, перемежающимся с шестью крупными бомбардировками севастопольских укреплений, которые часто предвещали попытку штурма. Осада/оборона Севастополя характеризовалась массовым сосредоточением артиллерийских частей с обеих сторон (1381 с российской и 803 со стороны союзнической армии огневыми ротами по состоянию на 5 сентября 1855 г.). Для сравнения, французская осадная артиллерия во времена Наполеона I была намного меньше.

Документы свидетельствовали не только о важности артиллерии в Крымской войне, но и о тех эмоциях, которые вызывали бомбардировки, о приспособлении человека к регулярному огню.

Во втором параграфе *«Повседневная жизнь военных во время осады Севастополя»* анализируется опыт «мирной» жизни, ее организация «вне войны», «вне окопов». Французские и русские военные писали об особенностях повседневной жизни и быта, об изменении уклада при переводе из одного корпуса в другой. Выявляются и подробности службы в отдельных подразделениях⁴³.

Наконец, пристального внимания заслуживает анализ отдыха военных, организация лагерной жизни, развлечений, которые были в их распоряжении (охота, рыбалка и садоводство). В мемуарах военных есть упоминания о посещении ресторанов, баров, театров, будь то в осажденном городе или во французских лагерях с труппой, созданной зуавами.

В силу того, что Севастополь защищали моряки, то отдельный параграф третьей главы посвящен повседневной жизни именно этой категории военных, силою случая сошедших на землю. Немаловажно отметить ту роль, которую играли моряки в обороне Севастополя⁴⁴.

Примечательно, что в ходе эвристической работы было выявлено, что количество мемуаров и записок моряков значительно уступает по своему

⁴³ Аноним. Севастополь в нынешнем состоянии. Письма из Крыма и Севастополя. М., 1855. С. 32.

⁴⁴ *Totleben E. Défense de Sébastopol, vol. 2, partie 2. Saint-Petersbourg, 1863. P. 182.* https://books.google.fr/books?id=_tcKAAAIAAJ&printsec=frontcover&dq=inauthor:%22graf+%C4%96duard+Ivanovich+Totleben%22&hl=fr&sa=X&ved=0ahUKEwip57Xwr47pAhWoy4UKHVABBIoQ6AEIKDAA#v=onepage&q&f=false

числу документам, созданным сухопутными военными. Это явление объясняется, с одной стороны, количественным значением матросов в общем составе армии, которое было значительно ниже количества пехотинцев. Представляется, что данная проблема еще ждет своего исследователя, как одна из малоизученных тем, посвященных Крымской войне. Существенная часть морских архивов Франции данного периода находится в Тулонском, Брестском и Шербурском филиалах Исторической службы обороны Франции, а документы императорского ВМФ России находятся в Государственном архиве военного флота в Санкт-Петербурге (РГАВМФ).

Третий параграф «*Французские и русские военные глазами друг друга*» в первую очередь посвящен местам и характеру встреч французских и русских офицеров и солдат. При изучении мемуаров и записок военных были выявлены несколько основных аспектов. Во-первых, вполне логично, что встречи военных происходили непосредственно на поле боя. Именно сражение позволяло судить о боевых качествах своего противника. Во-вторых, во время военных действий случались краткие перемирия и в эти моменты военные могли пообщаться со своими врагами, обменяться мнениями. В качестве примера можно привести письмо зуава по имени Шантаме, в котором кратко говорилось о приостановке военных действий, последовавшей после взятия Волынского, Селенгинского и Камчатского редутов 7 июня 1855 г. Наконец, перемирие, объявленное в начале 1856 г. на Крымском полуострове, позволило солдатам обоих лагерей более или менее регулярно общаться друг с другом, в том числе наносить офицерские визиты.

Русские военные гораздо меньше рассказывали о своих противниках и контактах с ними, а в своих мемуарах и письмах сосредотачивались на описании боя. Из анализа документов складывается довольно позитивный образ противника, как у французов, так и у русских. С одной стороны, отношение к французам проявляется в высказываниях офицеров и солдат о готовности «на все... умереть на месте, но наказать неприятеля за каждый шаг, на который от подается вперед, оттого так трудно французам, что каждый шаг вперед должен быть облит их кровью»⁴⁵.

⁴⁵ Записки севастопольца // Русская старина. 1893. № 12. С. 613 - 614
<https://runivers.ru/upload/iblock/c5e/80.pdf>

С другой стороны, рассказы о сценах насилия или зверств, совершаемые другой стороной, были крайне редкими. Налицо своеобразное взаимное уважение, а также признание боевых качеств друг друга, а всевозможные анекдоты свидетельствуют о большей симпатии между представителями обеих армий. Этот довольно позитивный взгляд на противника интересен тем, что он, в частности, расходится с образом России, изображаемым преимущественно русофобскими французскими интеллектуальными кругами.

Отношения между французскими и русскими солдатами интересны и тем, что позволяют сравнить их с восприятием французами английской армии. Так, большинство французов выражало недовольство британским союзником, жалуясь на медлительность, вызванную, в частности, их постоянными задержками. Другой союзник Франции в этом конфликте - Османская армия, была описана еще более критично; французские военные неоднократно жаловались на запах и шум, доносившийся из мест расквартирования турок. Французы давали положительные оценки пьемонтцам, а, в целом, в их свидетельствах зачастую проявлялось официальное отношение Франции к отдельным странам.

Критика британской армии связана с исторической враждой между двумя нациями, в то время как сочувствие пьемонтцам свидетельствует о хорошем взаимопонимании между Наполеоном III и пьемонтским правительством.

В третьей главе изучается **«Человек перед лицом войны: идеализация, разочарования и ужасы войны»**. Здесь уделяется особое внимание эмоциональному восприятию войны, когда, с одной стороны, происходит ее романтизация, а с другой, - вскрывается весь ее ужас.

В первом параграфе *«От идеализации войны к усталости от боевых действий»* проанализирована эволюция картины Крымской кампании в глазах французов и русских: от идеализации войны до явного утомления от военной жизни. В этой связи необходимо отметить, что изначально французские солдаты были полны оптимизма и энтузиазма, хотели продемонстрировать свою боевую подготовку, испытывая на себе влияние воспоминаний ветеранов наполеоновских походов. Русские же солдаты воодушевлялись рассказами ветеранов русско-турецкой войны 1829 г.⁴⁶ Однако на фоне этого весьма

⁴⁶ *Погосский А.Ф.* Старики - Разказъ изъ Крымской войны. Изданіе восьмое. СПб., 1909. С. 6.

позитивного восприятия войны прослеживаются сомнения и опасения по поводу будущего конфликта.

Мы выделяем три основных аспекта в восприятии войны: приключенческая война, новый крестовый поход, отечественная война. При изучении документов наблюдается довольно существенная разница между французскими и русскими представлениями. По рассказам первых, Крымская кампания воспринимается как авантюра, путешествие, что характеризовало все войны, которые вела Вторая Империя (за исключением войны 1870-1871 гг.). Это представление о Крымской войне, как о приключении вполне объяснимо, учитывая контекст, в котором она происходила: данный период был отмечен поиском новизны, авантюры, славы и удачи. С другой стороны, российские источники изображают Крымскую кампанию как часть религиозной или национальной, оборонительной войны. Восприятие кампании как Отечественной войны находит свое отражение в письмах солдат, отмечавших, что их главная задача – это защита Родины от врага, вторгшегося на ее территорию⁴⁷. Однако это идеализированное представление о боевых действиях со временем меняется особенно под влиянием специфики окопной войны, при которой риск и насилие становились более частыми, практически повседневными. Солдаты, впрочем, не стеснялись жаловаться на голод, холод, выражать моральное потрясение при виде крови, убитых и раненых. Тогда бойцы говорили уже не о славной войне или приключениях, а о стоицизме, который приходилось ежедневно демонстрировать перед лицом этой суровой и мрачной действительности. Некоторые военные, такие как артиллерийский офицер В. Колчак, не колеблясь, рассказывали о своих трудностях и выражали свое отвращение к насилию⁴⁸.

В данной связи представляется необходимым обратить внимание на еще одну особенность восприятия войны русскими солдатами и офицерами. Эта особенность была связана с религиозностью, верой, обращением к Богу в наиболее тяжелые моменты. Православное духовенство всегда находилось на полях сражений, наряду с солдатами участвовало в обороне Севастополя.

⁴⁷ Бугайский П.Я. Оборона Севастополя (Разказ очевидца) П.Я Бугайского с портретами императоров Николая, Александра 2 и генералов Корнилова, Тотлебена и Нахимова. СПб., 1877. С. 16; АВПРИ. Ф. 481 Оп. 1. № 1: 1853, мая 21 - 1855, авг. 20. Переписка главнокомандующего сухопутными и Морскими силами в Крыму адмирала А.С. Меншикова с военным министром В.А. Долгоруковым об укреплении Севастополя силах и намерениях противника.

⁴⁸ Колчак В. Война и плен 1853-1855 гг. СПб., 1904. С. 35.

«Военное и морское духовенство в Российской империи представляло собой особую категорию духовного сословия, - подчеркивает историк Л.В. Мельникова. - Помимо традиционного для священнослужителей отправления богослужений и исполнения христианских треб полковые священники и флотские иеромонахи... делили со своей паствой все тяготы военной службы, нередко подвергаясь опасности и рискуя жизнью»⁴⁹.

Как справедливо отметил историк Н.Н. Смолин, военные успехи солдаты часто объясняли промыслом божьим, а неудачи – «гневом господним»⁵⁰. В записках военных можно увидеть постоянное обращение к Богу, Божественной воле, православным традициям, что, видимо, позволяло более стойко переносить страдания и страхи во время боевых действий⁵¹.

Второй параграф «Представление о ранениях и смерти в бою», посвящен тому, какое место отводится трагическим сторонам войны в свидетельствах ее участников. Действительно, Крымская война принесла огромные жертвы, погибло: 95 000 французов, 22 0000 англичан и около 475 000 русских⁵².

Автором были выявлены и проанализированы представления военных о смерти и ранениях, о тех опасностях, которым они подвергались. Благодаря многочисленным исследованиям и трудам, оставленным врачами и хирургами обеих армий, сделан вывод о характере ранений и состоянии раненых. В частности, согласно сведениям Поля Дюсо о массовом применении нового оружия, значительно увеличилась его поражающая сила⁵³. Наряду с этим бойцы по-прежнему подвергались и классическим ударам, таким как круглые пули или холодное оружие. Использование всех видов оружия приводило к различного рода ранениям; особенно частыми становились ранения нижних и верхних конечностей, требующие ампутации.

⁴⁹ Мельникова Л.В. Военное и морское духовенство в годы Крымской войны 1853-1856 гг. // Военно-исторический журнал. издание минобороны России. 2012. <http://history.milportal.ru/duhovenstvo/> (дата обращения 08.07. 2020)

⁵⁰ Смолин Н.Н. Характерные черты массового героизма русских войск в ходе Крымской войны 1853-1856 // Военно-историческая антропология. Ежегодник 2003-2004: Новые научные направления. М., 2005. С. 91 - 100.

⁵¹ Глебов П. Записки П.Н. Глебова // Русская старина. 1905. № 1. С. 94 - 112.

⁵² Ponting C. The Crimean War – The Truth Behind the Myth. London, 2004. С. 334.

⁵³ Dusault P. Observation prises au siège de Sébastopol sur les plaies par balle cylindro-coniques : Caractères qui les différencient des plaies par balles rondes - Thèse présentée et publiquement soutenue à la Faculté de Médecine de Montpellier le 16 avril 1858 par Paul Dusault ex-Chirurgien des Compagnies de matelots canonniers débarqués pour faire le service à terre sous les murs de Sébastopol. Montpellier, 1858.

Описания ранений позволили понять интенсивность и масштабы сражений, а также те психологические травмы, которые были нанесены войной. Привычные картины раненых не приводили, однако, к очерствению сердец врачей и самих военных. Более того, убитые и раненые подчас проходили лечение и были захоронены силами противника.

Третья глава завершается параграфом «*Эпидемии и смерти от болезней в воспоминаниях российских и французских военных*». Эпидемии холеры и тифа являлись неотъемлемой частью истории Крымской войны. Автор приходит к выводу, что невозможно изучить эту кампанию без анализа данного явления, которое уже становилось предметом исследования историков⁵⁴. Эта тема стала предметом научной работы А. Кастерана⁵⁵, опубликованной в послевоенные годы и повествующей об эпидемии тифа. Интерес к болезни объясняется большим количеством смертей, которые значительно превосходили потери, понесенные в результате боевых действий. Однако, читая мемуары военных, автор отмечает отсутствие упоминаний об эпидемиях. Например, в довольно обстоятельных работах французского капитана Фая или российского генерала Тотлебена, не содержится сведений о тяжелой ситуации в войсках в связи с тифом или холерой. Возможно, данное обстоятельство было связано с тем, что упоминания о болезнях были своего рода табу среди военных. Это же касалось и смерти от болезни, ведь она представлялась позорной, незавидной и совсем не героической.

Лишь единицы, умершие от болезней, высоко оценивались за мужество перед лицом незавидной судьбы⁵⁶. К тому же малочисленные упоминания о смерти от болезни также можно объяснить особенностями эпохи: в первой половине XIX в. Европа пережила несколько эпидемий, включая, холеру, которая периодически возвращалась после своего появления в 1832 г. Таким

⁵⁴ *Fredj C. Médecins en campagne, médecine des lointains. Le service de santé des armées en campagne dans les expéditions lointaines du Second Empire (Crimée, Chine-Cochinchine, Mexique), sous la direction de Monsieur Daniel Nordman. Thèse EHESS, 2006; Fredj C. Compter les morts de Crimée: un tournant sur l'identité professionnelle des médecins de l'armée française (1865-1882) // Histoire, Économie et Société. 2010. № 3. Pp. 95 - 108; Lemaire M. La guerre de Crimée: Chronique et analyse d'un désastre sanitaire (1854-1856), Thèse de doctorat en Histoire militaire et études de la défense, sous la direction de Jean-Charles Jauffret. Montpellier, 2006.*

⁵⁵ *Casteran A. Du typhus des camps observé en Crimée pendant le siège de Sébastopol — Thèse présentée et publiquement soutenue à la Faculté de Médecine de Montpellier le 29 février 1856, par Casteran (Adolphe) né à Arette (Basses-Pyrénées), Médecin Aide-Major pour obtenir le grade de docteur en médecine. Montpellier, 1856.*

⁵⁶ SHD GR 1 KT 1166 1 Fon Compère — *Louis Normand.*

образом, смерть от болезней являлась обычным явлением в Европе первой половины XIX в., когда медицинская наука еще не могла ответить на многие вызовы.

В **заключении** исследования приводятся основные выводы, к которым удалось прийти в ходе изучения источников и историографии. В качестве общего заключения представляется возможным выделить следующие аспекты:

1. Крымская кампания явилась первым конфликтом, произошедшим между великими европейскими державами начиная с 1815 г. и стала важным фактором, повлиявшим на жизни людей, участвовавших в ней. Осознание участия в крупном историческом событии, некая гордость, связанная с этим, прослеживается при анализе источников, составивших основу настоящего исследования.

2. Сравнение эпистолярного наследия, мемуаров, дневников французских и русских военных позволило выявить большое количество общих черт в восприятии Крымской кампании. Данное единство оценки событий 1854-1856 гг. показывает определенное единообразие в восприятии войны в европейских обществах, которое и обнаруживается в источниках. Кстати, это может быть связано с тем следом, которое оставила эпоха наполеоновских войн в коллективной памяти народов. Крымская кампания явилась одним из важных событий, повлиявшим на развитие военной истории как России, так и Франции. Можно отметить, что, с одной стороны, речь идет о первой современной войне, с новыми видами вооружений, а с другой, - о традиционных явлениях, свойственных наполеоновской эпохе.

3. Принимая во внимание уровень грамотности во Франции и России в то время, дошедшие до нас рассказы о Крымской кампании были написаны прежде всего офицерами, среди авторов было весьма мало солдат. Преобладание этой конкретной социальной группы, с ее кодексами и принципами, в значительной степени повлияло на представление современников, а затем и историков о войне и происходившем на фронтах.

4. Главными сюжетами мемуаров и записок военных являются описания битв. Причем, данный аспект свойственен военной литературе как предшествующей, так и последующей эпохи. Однако помимо сражений, авторы рассказывают о повседневной жизни, своих развлечениях в минуты

затишья. Благодаря этим рассказам, порой о самом сокровенном, можно, увидеть и понять тех людей, которые встретились на поле боя в Крыму в 1854-1856 гг. При анализе эпистолярного наследия и других свидетельств военных можно отметить хорошее взаимопонимание между французскими и русскими военными, притом что солдаты обеих армий мало сочувствовали британской армии.

5. В архивах хранится небольшое количество мемуаров моряков. И если героизм русских моряков на суше и был признан, то действия французских моряков оставались малопонятными даже их товарищам по Сухопутным войскам. Французский военный флот во время войны использовался для транспортировки солдат, раненных, провизии и боеприпасов, тогда как русские моряки приняли непосредственное участие в обороне Севастополя.

6. Крымская война по-разному оценивалась французскими и русскими военными. Если для первых это было скорее приключение и повод для демонстрации своей доблести и мужества, то для вторых – речь шла об отечественной войне, защите веры и национальных границ. Однако и в том, и в другом случае, в своих свидетельствах военные увековечили события в Крыму, показав жестокие стороны войны. При этом они преследовали цель продемонстрировать мужество, стоицизм и самоотречение своих товарищей и, в определенной степени, противников. В итоге, изучение антропологических аспектов войны позволяет заполнить лакуны в той историографической традиции, которая сложилась в России и Франции.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ РАБОТЫ ИЗЛОЖЕНЫ В СЛЕДУЮЩИХ ПУБЛИКАЦИЯХ:

а) Публикации в изданиях, входящих в Перечень научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты исследований в рамках диссертаций, представляемых к защите в диссертационных советах РУДН:

1. Линькова Е.В., Де Болливье М. Влияние Крымской войны 1853-1856 гг. на эволюцию взаимного восприятия России и Франции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «История России». 2016, № 15(3). С. 84 - 89. (ВАК) (0,4 п.л. / Авторский вклад 0,2 п.л.)

2. Де Болливье М. «Крымская война в коллективной памяти»: современная западноевропейская историография Крымской кампании 1853-1856 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Всеобщая история». 2019, Т. 11, № 3. С. 247 - 255. (ВАК) (0,4 п.л.)

б) Публикации в изданиях, входящих в международную базу цитирования *Web of Science*:

3. Линькова Е.В., Де Болливье М. Французская историография Крымской войны (1853-1856 гг.): основные направления и тенденции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «История России». Т. 19, № 1. 2020. С. 240 - 253. (ВАК, WOS) (1,2 п.л. / Авторский вклад 0,6 п.л.)

в) Публикации в прочих изданиях:

4. Линькова Е.В., Де Болливье М. Образ России в мемуарах французских офицеров середины XIX в. // Новая наука: проблемы и перспективы. Стерлитамак: Агентство международных исследований, 2016. С. 155 - 159. (0,3 п.л. / Авторский вклад 0,2 п.л.)

5. Линькова Е.В., Де Болливье М. La campagne de Crimée de 1853-1856 dans les témoignages des officiers français. (Крымская кампания 1853-1856 гг. в мемуарах французских офицеров) // La Langue française. М.: Издательский дом «Первое сентября», 2016. С. 24 - 26. (ВАК) (0,2 п.л. / Авторский вклад 0,1 п.л.)

6. Де Болливье М. La Russie et les soldats russes perçus par les combattants français de la guerre de Crimée (1853-1856) // 60 лет Российскому университету дружбы народов: история страны в истории университета. Материалы XXII Всероссийской научной конференция студентов, аспирантов и молодых ученых. М.: Изд-во РУДН, 2020. С. 10 - 21. (0,5 п.л.)

ДЕ БОЛЛИВЬЕ МАРК ЛУИ (ФРАНЦИЯ)

**ОТРАЖЕНИЕ КРЫМСКОЙ КАМПАНИИ В СВИДЕТЕЛЬСТВАХ
РОССИЙСКИХ И ФРАНЦУЗСКИХ ВОЕННЫХ:
ИСТОРИКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ**

В диссертации на основе анализа эпистолярного наследия, мемуаров, дневников и других свидетельств французских и российских участников Крымской кампании реконструируется и изучается образ войны в его историко-антропологическом контексте. Исследование писем, мемуаров, записок солдат и офицеров дает возможность сделать вывод о наличии общих и особенных черт в восприятии событий на Крымском полуострове в 1854-1856 гг. военными России и Франции. Историко-антропологический подход позволил расширить концептуальные рамки изучения Крымской войны, дифференцировать и проанализировать представления о повседневной жизни в условиях войны, о насилии и смерти, о ранениях и болезнях, о противнике, его сильных и слабых сторонах, о поведении в бою, о собственной роли на фронте.

DE BOLLIVIER MARC LOUIS (FRANCE)

**THE REFLECTION OF THE CRIMEAN CAMPAIGN IN THE TESTIMONY OF
RUSSIAN AND FRENCH MILITARIES:
HISTORICAL AND ANTHROPOLOGICAL DIMENSION**

Based on the analysis of the epistolary heritage, memoirs, diaries and other testimonies of the French and Russian participants in the Crimean campaign, the dissertation reconstructs and studies the image of the war in its historical and anthropological context. The study of letters, memoirs, notes of soldiers and officers makes it possible to conclude that there are common and special features in the perception of events on the Crimean Peninsula in 1854-1856 by the military of Russia and France. The historical and anthropological approach allowed us to expand the conceptual framework for studying the Crimean war, differentiate and analyze ideas about everyday life in war conditions, about violence and death, about injuries and diseases, about the enemy, its strengths and weaknesses, about behavior in battle, about one's own role at the front.

DE BOLLIVIER MARC LOUIS

**LA CAMPAGNE DE CRIMÉE À TRAVERS LES TÉMOIGNAGES DES
MILITAIRES RUSSES ET FRANÇAIS :
ESSAI D'ANTHROPOLOGIE HISTORIQUE**

Spécialité 07.00.02 — Histoire nationale

RÉSUMÉ

de thèse pour le grade de candidat des sciences

Moscou — 2020

Travail effectué au sein du département d'histoire de la Russie
d'Établissement fédéral d'enseignement supérieur autonome d'État « Université russe de
l'Amitié des Peuples » et le Laboratoire universitaire « Histoire, Culture, Italie, Europe »
de l'Université Grenoble-Alpes (France).

Directeurs de recherche : **LINKOVA Elena Valentinovna**

Docteure en sciences historiques

VENAYRE Sylvain

Docteur en Histoire

**Adversaires
officiels**

GLADISHEV Andreï Vladimirovitch

docteur en sciences historiques, professeur associé

l'Établissement fédéral d'enseignement supérieur d'État « Université d'État
de Saratov N.G. Chernyshevsky »

professeur au département d'Histoire universelle

MELNIKOVA Lioubov Vladimirovna

candidate en sciences historiques,

l'Établissement budgétaire fédérale des sciences l'Institut d'histoire russe
de l'Académie des sciences de Russie,

chercheuse principale au Centre d'histoire de la religion et de l'Église

TCHOUDINOV Alexandre Victorovitch

docteur en sciences historiques,

l'Établissement budgétaire fédéral des sciences l'Institut d'histoire
universelle de l'Académie des sciences de Russie

chercheur en chef, directeur du laboratoire « Le Monde au temps de la
Révolution française et des guerres napoléoniennes » du Département
d'histoire moderne et contemporaine

La soutenance aura lieu le « _____ » _____ 2020 des à _____ lors de la
réunion du conseil de thèse de l'Université russe de l'amitié peuples à l'adresse suivante :
6, rue Miklukho-Maklaya, 117198 Moscou, salle du Rectorat.

Le mémoire de thèse est disponible au sein de l'UNIBC (Bibliothèque universitaire) de
l'Université russe de l'amitié des peuples à l'adresse suivante : 6 rue Miklukho-Maklaya,
117198 Moscou.

Le Résumé a été envoyé le « _____ » _____ 2020.

Secrétaire scientifique du conseil de thèse,
la candidate en sciences historiques,
professeure

E.V. Kriajeva-Kartseva

I. DESCRIPTION GÉNÉRALE DE L'ÉTUDE

La guerre de Crimée de 1853-1856, fruit de l'aggravation des tensions géopolitiques, économiques, religieuses et civilisationnelles entre la Russie et les puissances d'Europe occidentale, suscita l'intérêt des participants et témoins de cet événement, mais aussi celui de l'opinion publique internationale de cette époque. Cependant, malgré l'importance et l'ampleur de la campagne de Crimée de 1854-1856, que certains analystes considèrent comme étant le premier exemple de confrontation civilisationnelle, ce conflit est longtemps resté dans l'ombre des deux guerres mondiales, que ce soit au sein de la communauté scientifique ou de l'opinion publique. Cet oubli est notable en France où pourtant, ce conflit est encore présent dans l'espace public à travers les noms de rues et de boulevards parisiens, nommés en l'honneur des victoires de Crimée qui effaçaient alors le désastre de 1812. Dans ce pays, l'intérêt pour la campagne de Crimée n'est de fait, qu'épisodique. À l'inverse en Russie, la guerre de Crimée n'a pas été oubliée et a fait l'objet de nombreuses études et discussions, même si cette masse de travaux n'en recouvre pas encore toutes les facettes.

Ainsi, l'approche de cette guerre par le biais de méthodes issues de l'anthropologie historique a avant été le fait de publications en dehors de la sphère scientifique. En effet, les historiens russes et étrangers ont longtemps négligé l'étude des acteurs d'un conflit, de leurs passions et de leurs pensées, en favorisant plutôt l'analyse des batailles et des tractations diplomatiques. Pourtant, toute guerre est la somme de millions de destins, d'émotions, de craintes, de joies, d'espoirs et de destructions. Cette étude vise ainsi à combler partiellement le vide qui s'est formé à ce propos pour la guerre de Crimée.

Ainsi, **la pertinence de ce sujet** d'étude, réside dans cette nécessité d'étudier l'homme, ses émotions, et ses réflexions dans les conditions extrêmes que générées par la guerre. De plus, l'analyse des représentations de la campagne de Crimée dans les témoignages des militaires français et russes permet d'identifier les différents prismes culturels et sociétaux au travers desquels les acteurs d'un conflit percevaient de tels événements. Par ailleurs, cela permet de mieux comprendre l'attitude d'une nation à l'égard de ses ennemis, de ses alliés, de la guerre et de la paix. Ainsi, il apparaît que les représentations et réflexions des combattants du milieu du XIXe siècle face à de tels événements sociétaux et culturels sont semblables à ce que l'on retrouve dans les sociétés actuelles pour des phénomènes similaires. Enfin,

l'emploi de méthodes issues de ma microhistoire va permettre de raconter la guerre de Crimée d'une manière nouvelle.

Lorsque l'on s'intéresse à la campagne de Crimée, il convient en premier lieu de noter les différences qui existent entre la France et la Russie en matière de perception et d'étude de ce conflit, chacun des deux pays ayant une analyse des événements qui lui est propre.

En France, la tendance actuelle est à l'étude de la guerre de Crimée dans le contexte politique et diplomatique plus large qu'est le Second Empire, pour ensuite le traiter comme un épisode de l'histoire militaire nationale à part entière. De plus, cette branche de la science histoire — l'histoire militaire — tend aujourd'hui à étudier la guerre en tant qu'événement ayant influencé le développement socioculturel du pays au détriment d'une vision faisant de la guerre une série de batailles. Ainsi, la vie quotidienne des soldats, des officiers et de la population est étudiée au même titre que la structure des armées, le commandement et le développement d'une pensée tactique et stratégique.

Dans ce contexte, l'analyse de la campagne de Crimée à travers le prisme de l'anthropologie historique semble tout indiquée, et ce, d'autant plus que ce conflit reste encore largement ignoré par le grand public et la communauté scientifique. En Russie, malgré une historiographie de la guerre de Crimée plus riche et qui voit apparaître de nouvelles études à intervalles réguliers, l'analyse de ce conflit reste classique dans sa grande majorité, avec des historiens privilégiant l'étude des aspects diplomatiques et militaires de celui-ci.

Il semble ainsi qu'une vision transnationale de la campagne de Crimée soit le seul moyen qui permette de proposer de nouveaux angles et domaines d'étude de ce conflit, et d'en souligner l'importance scientifique.

L'objet de l'étude est un corpus de sources regroupant différents témoignages de combattants français et russes de la campagne de Crimée.

Le sujet de cette étude est la représentation de la campagne de Crimée dépeinte dans les témoignages des militaires français et russes ; témoignages qui ont été analysés à travers le prisme de l'anthropologie historique.

Le cadre chronologique de l'étude correspond à une période allant de l'année 1854 au début des années 1900. Si la première borne chronologique — 1854 — est évidente — il s'agit de l'année d'entrée en guerre de la France dans le conflit russo-turc et l'envoi de troupes vers l'Empire ottoman —, la seconde borne

chronologique nécessite quelques éclaircissements. Nous avons fait le choix d'étendre notre étude jusqu'aux années 1900, car c'est jusqu'à cette période que les témoignages de vétérans de cette campagne furent publiés.

Le cadre géographique de l'étude se limite à la péninsule de Crimée, à travers laquelle eurent lieu les opérations militaires racontées dans les témoignages.

L'objectif de cette étude est de reconstruire et de réfléchir sur le tableau de la campagne de Crimée de 1854-1856 brossé par les militaires français et russes.

La réalisation de cet objectif de recherche nécessite la fixation de **tâches** intermédiaires à résoudre. Il s'agit des tâches suivantes :

- Identifier et analyser un corpus de sources représentatif des témoignages sur la campagne de Crimée de 1854-1856.

- Identifier et analyser l'historiographie de la guerre de Crimée et les travaux définissant l'anthropologie historique.

- Différencier et explorer les points communs et les divergences qui existent entre les Français et les Russes sur la représentation de la guerre, sur les combats et la vie en campagne.

- Définir les aspects historiques et anthropologiques de la campagne : perception de la violence, de la mort, de la souffrance, des blessures, de la camaraderie, etc.

- Étudier les représentations de l'adversaire, de ses forces, de ses faiblesses, de son attitude au combat, etc.

- D'analyser l'influence des témoignages de vétérans de la campagne de Crimée sur l'opinion publique des deux pays.

Degré de développement du sujet. Faire appel à l'historiographie permet de faire un état des lieux de la recherche historique russe et étrangère sur le sujet concerné.

L'historiographie de la guerre de Crimée peut être divisée en plusieurs groupes. Le premier regroupe les ouvrages généraux sur ce conflit qui ne couvraient qu'occasionnellement la perception des combattants.

Le second groupe comprend les travaux sur l'histoire militaire de la France et de la Russie au XIXe siècle, et qui se sont notamment penchés sur la structure des armées, les armes nouvelles et l'évolution de la pensée militaire.

Le troisième groupe comprend les travaux sur l'anthropologie historique de la guerre et sur la vie en campagne des soldats et officiers lors de la guerre de Crimée.

Ce groupe peut être subdivisé en deux, avec d'un côté l'historiographie russe et de l'autre, l'historiographie occidentale.

En Russie, l'historiographie de la guerre de Crimée peut être divisée en deux branches distinctes. La première regroupe les travaux qui s'intéressent aux aspects diplomatiques du conflit (causes, conséquences du traité de Paris, affrontements diplomatiques entre les différents belligérants)¹. La seconde regroupe les études s'intéressant aux opérations militaires².

Au sein de cet ensemble, l'historiographie soviétique de la guerre de Crimée occupe une place centrale avec une série de travaux s'intéressant à la politique étrangère de la Russie au XIXe siècle. L'un des plus grands historiens de cette période, E.V. Tarle, a notamment permis de mettre en lumière les nombreuses tensions diplomatiques qui existaient au milieu du XIXe siècle³. Mais il s'est aussi attaché à présenter un tableau des batailles de la campagne de Crimée. Les historiens soviétiques se sont également penchés sur la diplomatie⁴, la question de l'armement pendant ce conflit, et de l'efficacité au combat de l'armée et de la marine russes, tout particulièrement sur le plan tactique⁵.

Les historiens de la période postsoviétique se distinguent quant à eux pour la diversité de leurs sujets d'étude. Ils s'intéressent ainsi au climat diplomatique

¹ *Погодин М.П.* Историко-политические письма и записки в продолжение Крымской войны (1853–1856). М., 1874; *Татищев С.С.* Русская дипломатия, старая и новая. Европа накануне Восточной войны 1853-1856 годов. Полемиические статьи о дипломатии. М., 2017; *Татищев С.С.* Император Николай и иностранные дворы. Исторические очерки. СПб., 1889; *Татищев С.С.* Внешняя политика Императора Николая Первого. Введение в историю внешних сношений России в эпоху Севастопольской войны. СПб., 1887; *Фадеев Р.А.* Мнение о восточном вопросе. По поводу последних решений на «Вооруженные силы России». СПб., 1870; *Фадеев Р.А.* Наш военный вопрос. Военные и политические статьи. СПб., 1873; *Фадеев Р.А.* Черноморский военный театр. По поводу Крымской железной дороги. СПб., 1870; *Чичерин Б.Н.* Восточный вопрос с русской точки зрения. М., 1860.

² *Богданович М.И.* Крымская война 1853 – 1856 гг. М., 2014; *Бестужев И.В.* Крымская война 1853 - 1856 гг. М.: Издательство Академии наук СССР, 1956; *Виниченко М.В.* Оборона Севастополя 1854-1855. Наземно-подземное противостояние. М., 2007; *Дубровин Н.Ф.* 349 - дневная защита Севастополя. СПб., 2005; *Дубровин Н.Ф.* Восточная война 1853 - 1856 годовъ - Обзоръ событий по поводу сочинения М.И. Богдановича составил Н. Дубровинъ. СПб., 1878; *Дубровин Н.Ф.* Первая оборона Севастополя 1854-1856 гг. М., 2014; *Скицкий Н.В.* Крымская война 1853 - 1856 годы. М., 2006; *Яковлев А.* Крымская война 1853 – 1856. М., 2007; *Балуевский Ю.Н.* Генеральный штаб российской армии: история и современность. Академический Проект Министерство Обороны Российской Федерации. М., 2006.

³ *Тарле Е.В.* Крымская война (2 тома). СПб., 2011 [1943]; *Тарле Е.В.* Нахимов. М., 1940.

⁴ *Кухарский П.Ф.* Франко-русские отношения накануне Крымской войны. Л., 1941.

⁵ *Мавродин В.В.* Перевооружение русской армии и флота стрелковым оружием перед Крымской войной и в начале военных реформ (1830-1867 гг.). Л., 1973; *Бестужев И.В.* Крымская война 1853-1856 гг. М., 1956; *Бушуев С.К.* Крымская война (1853 - 1856 гг.). М., 1940.

international de cette époque⁶, à la place de l'opinion publique en temps de guerre⁷, à la préparation des armées française et russe⁸, aux relations franco-russes au XIXe siècle⁹, etc. Les travaux de l'historienne L.V. Melnikova s'intéressent ainsi au facteur religieux de la campagne de Crimée et aux activités de l'Église orthodoxe russe pendant ce conflit, aspects totalement passés sous silence par l'historiographie étrangère¹⁰.

L'historien A.V. Gladishev s'est par ailleurs intéressé à aux aspects des guerres relevant de l'anthropologie historique¹¹. Ainsi, selon lui : « à l'heure actuelle, les problématiques relevant de l'anthropologie historique de la guerre sont parfaitement comprises, tant sur le plan théorique que sur le plan historique concret »¹². Ainsi, selon un certain nombre de chercheurs, l'approche anthropologique et historique des conflits a permis d'élargir le cadre de recherche dans lequel s'inscrivent les travaux sur la guerre de Crimée, permettant notamment

⁶ Багдасарян В.Э. Русская война: столетний историографический опыт осмысления Крымской кампании. М., 2002; Багдасарян В.Э. К 160-летию начала Крымской войны: взгляд через призму теории борьбы цивилизаций // Блог Багдасаряна. 2013. <http://vbagdasaryan.ru/k-160-letiyu-nachala-krymskoj-voynyi-vzglyad-cherez-prizmu-teorii-borbyi-tsvivilizatsiy/>; Смирнов А. Крымская война и русское общество // Историческое обозрение: Отечественная история, № 1. 2000.

⁷ Арсланов Р.А., Линькова Е.В. Страны Запада и их внешняя политика в восприятии российских консерваторов и либералов XIX века. М., 2018.

⁸ Чудинов А.В. С кем воевал русский мужик в 1812 году? Образ врага в массовом сознании // Французский ежегодник 2012: 200-летний юбилей Отечественной войны 1812 года. М., 2012. С. 336 - 365; Чудинов А.В. Солдаты свободы» или смертельный враг? Французы в Южной Италии 1798-1799 гг. // Известия УрФУ. Серия 2. Гуманитарные науки, 2016. Т. 18. № 2. С. 25 - 41.

⁹ Aberdam S., Tchoudinov A. (dir) Ecrire l'histoire par temps de guerre froide. Soviétiques et Français autour de la crise de l'Ancien régime. Paris, 2014; Черкасов П.П. Александр II и Наполеон III. Несостоявшийся союз (1856-1870) М., 2015.

¹⁰ Мельникова Л.В. Оборона Соловецкого монастыря в годы Крымской войны: военный и религиозный аспекты // Российская история, № 5. 2010. С. 165 - 182; Мельникова Л.В. Святые места в центре Восточного вопроса. Церковно-политический фактор как одна из причин Крымской войны // Отечественная история, № 6. 2008. С.61 - 75; Мельникова Л.В. Иерархи Русской Православной Церкви в годы Крымской войны (1853-1856 гг.) // Церковь в истории России, № 9. М. 2010. С. 125 - 151; Мельникова Л.В. Военное и морское духовенство в годы Крымской войны 1853-1856 гг. // Военно-исторический журнал. издание минобороны России. 2012. <http://history.milportal.ru/duhovenstvo/>

¹¹ Гладышев А.В. Антропологический поворот в военной истории // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М, 2017. Т. 59. С. 136 - 150; Гладышев А.В. Оккупация как предмет военно-антропологических исследований // Французский ежегодник 2018: Межкультурные контакты в период иностранной оккупации. М., 2018. С. 10 - 21; Гладышев А.В. Великие сражения в исторической памяти или Почему машут кулаками после драки // История и историческая память: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. А.В. Гладышева. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2019. Вып. 18. С. 167 - 182.

¹² Гладышев А.В. Оккупация как предмет военно-антропологических исследований // Французский ежегодник 2018: Межкультурные контакты в период иностранной оккупации. М., 2018. С. 15.

de mieux comprendre le rapport entre l'homme et la guerre, la vie en campagne, le rôle du service de santé, etc.¹³

Dans ce domaine, les travaux de l'association d'anthropologie et de psychologie historique de la guerre « L'Homme et la Guerre » et des chercheurs de l'Institut d'histoire russe de l'Académie des sciences de Russie (IHR – ASR) ont fortement contribué à développer la recherche autour de ces thématiques, notamment par la publication d'un annuaire d'« anthropologie historique de la guerre ». En effet, cette équipe d'historiens dirigée par E.S. Seniavskaïa a étudié de nombreux sujets gravitant autour de la « dimension humaine » de la guerre¹⁴. Leurs travaux ont apporté une attention toute particulière à la nécessité d'avoir pour objet d'étude « l'homme du commun, avec ses pensées, ses sentiments, ses motivations et son comportement réels »¹⁵.

En Europe occidentale, l'historiographie de la campagne de Crimée est principalement composée de travaux rattachés à l'histoire militaire, notamment en France¹⁶. C'est notamment le cas avant l'avènement de l'école des Annales, au moment où « l'histoire bataille » était à la mode¹⁷. Les premières études sur la guerre de Crimée remontent ainsi au Second Empire (1852-1870), et comme en Russie, sont apparues dans les années 1854-1856. Ces premiers travaux sont alors basés sur divers documents et se consacrent essentiellement aux causes de la guerre et à son déroulement¹⁸. Au cours de cette période, les auteurs français comme russes

¹³ *Наумова Ю.А.* Ранение, болезнь и смерть. Русская медицинская служба в Крымскую войну (1853-1856). М., 2010.

¹⁴ Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2002. Предмет, задачи, перспективы развития. М., 2002. С. 4.

¹⁵ *Сенявская Е.С.* Военно-историческая антропология как новая отрасль исторической науки// Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2002. Предмет, задачи, перспективы развития. М., 2002. С. 6.

¹⁶ Pour plus de détails, voir : *Линькова Е.В., Де Болливье М.* Французская историография Крымской войны (1853-1856 гг.): основные направления и тенденции. (научная статья) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «История России». 2020. Т. 19, № 1. С. 240 - 253.

¹⁷ *Rousset C.* Histoire de la guerre de Crimée. Atlas. Paris, 1878.

¹⁸ *Bazancourt C.L.* La marine française dans la Mer noire et la Baltique : chroniques maritimes de la guerre d'Orient. Deux volumes. Paris, 1856-1857; *Bazancourt C.L.* L'expédition de Crimée. L'armée française à Gallipoli, Varna et Sébastopol. Deux volumes. Paris, 1860 ; *Bazancourt C.L.* L'expédition de Crimée jusqu'à la prise de Sébastopol : chroniques de la guerre d'Orient. Paris, 1856; *Ferbalier M.* Histoire de la campagne de Crimée et du siège de Sébastopol par M. de Ferbalier, officier d'état-major. Paris, 1854; *de Giustiniani H.* Commentaire sur les opérations militaires en Crimée. Paris, 1857.

débattent sur les acteurs du conflit, et en France cela aboutit à une scission entre partisans et opposants à la guerre¹⁹.

L'avènement de l'école des Annales a amené une transformation de l'historiographie de la guerre de Crimée. En effet, son influence se retrouve dans les travaux récents qui s'intéressent au rôle joué par l'Intendance et le service de santé des armées pendant la campagne²⁰, ainsi qu'à la situation sanitaire et épidémiologique de l'armée d'Orient²¹. Enfin, la monographie rédigée par A. Gouttman a permis de rendre à la guerre de Crimée sa place « dans la mémoire collective française », frappant par sa profondeur et le volume de sources utilisées²². Cependant, malgré l'ampleur de son travail, A. Gouttman ne fonde pas son approche du conflit sur l'anthropologie historique, car n'ayant pas pour objectif de raconter la vie quotidienne des soldats ainsi que les aspects psychologiques et émotionnels de la guerre. Mais aujourd'hui, la guerre de Crimée suscite un regain d'intérêt chez les historiens français qui l'interprètent comme étant la première guerre moderne²³.

Ainsi, il ne fait aucun doute que la guerre de Crimée attire l'attention non seulement des historiens français et russes, mais aussi des chercheurs d'autres pays, au premier rang desquels ceux issus des autres belligérants de ce conflit : Turquie, Royaume-Uni et Italie. Et si les historiographies turque et italienne sont assez limitées, les historiens anglo-américains se sont longuement penchés sur les relations internationales au XIXe siècle. Citons les travaux de C. Ponting et de O. Figes qui représentent bien la vision anglaise de la guerre de Crimée (même si les conclusions du second sont contestées par les historiens russes). Mentionnons aussi l'historien

¹⁹ *Lamarche H.* L'Europe et la Russie — Remarques sur le siège de Sébastopol et sur la paix de Paris. Paris, 1857; *Urquhart M.* La force navale supprimée par les puissances maritimes — Guerre de Crimée. Grenoble, 1873.

²⁰ *Fredj C.* Médecins en campagne, médecine des lointains. Le service de santé des armées en campagne dans les expéditions lointaines du Second Empire (Crimée, Chine-Cochinchine, Mexique), sous la direction de Monsieur Daniel Nordman. Thèse EHESS, 2006; *Scherpereel Ph.* Médecins et infirmières dans la guerre de Crimée 1854-1856. Paris, 2016.

²¹ *Lemaire M.* La guerre de Crimée: Chronique et analyse d'un désastre sanitaire (1854-1856), Thèse de doctorat en Histoire militaire et études de la défense, sous la direction de Jean-Charles Jauffret. Montpellier, 2006.

²² *Gouttman A.* La guerre de Crimée 1853-1856. La première guerre moderne. Paris, 2006 [1995].

²³ *Becker J-J, Audoin-Rouzeau S.* La France, la nation, la guerre 1850-1920. Paris, 1995; *Boudon J-O.* (dir) Le choc des empires. France et Russie 1798-1870. Paris, 2018; *Avenel J.* La campagne du Mexique (1862-1867). La fin de l'hégémonie européenne en Amérique du Nord. Paris, 1996; *Boulaire A.* La marine française. De la Royale de Richelieu aux missions d'aujourd'hui. Quimper, 2011; *Audoin-Rouzeau S.* Combattre. Une anthropologie historique de la guerre moderne (XIXe-XXe siècle). Paris, 2008; *Audoin-Rouzeau S., Becker A.* 14-18 Retrouver la guerre. Paris, 2003. *Barrois C.* Psychanalyse du guerrier. Paris, 1993.

américain R. Edgerton qui a fait une comparaison des armées ayant participé à la campagne, et qui a étudié l'histoire du siège de Sébastopol. Cependant, aucun de ces travaux ne propose une approche anthropologique du conflit.

Notons que pendant des décennies, l'histoire militaire en France a été dominée par l'historiographie de la Première Guerre mondiale qui a permis de renouveler l'étude des conflits. En effet, les historiens qui se sont intéressés à cette période ont analysé les différentes facettes de ce conflit, reconstitué les batailles, étudié les émotions des soldats et officiers, et ont analysé la vie quotidienne au front et à l'arrière. Toutefois, cette manière d'étudier la guerre ne s'est pas étendue aux conflits dans lesquels la France fut impliquée. C'est pourquoi il est très important et intéressant d'un point de vue scientifique, de reconstruire une histoire de la campagne de Crimée à partir de la méthodologie employée pour l'étude de la Première Guerre mondiale.

Quant à l'historiographie russe/soviétique, l'attention des historiens s'est avant tout portée sur l'étude des batailles, sur les biographies des chefs de l'armée et de la marine russe lors de ce conflit, ainsi que sur la situation internationale à cette époque. Les recherches issues de la microhistoire sur la campagne de Crimée ne sont pas donc pas encore très développées en Russie, et les questions sur la vie quotidienne des combattants lors de ce conflit n'ont pas été éludées de manière pratique.

La nouveauté scientifique de cette étude réside dans le fait qu'il s'agit d'une première tentative au sein des historiographies française et russe, d'analyse de la guerre de Crimée à travers les témoignages de ceux qui y participèrent. Cette approche nouvelle a ainsi nécessité l'utilisation de méthodes historiques et anthropologiques modernes, ce qui complète la nouveauté de cette thèse. L'innovation de cette étude tient par ailleurs au fait qu'il est nouveau de comparer la perception de la guerre par les parties adverses. Enfin, il convient de noter que cela amènera l'introduction de nouvelles sources dans le domaine scientifique, par leur traduction du français vers le russe et du russe vers le français.

Le corpus de sources réuni pour cette étude est vaste et représentatif et comprend un ensemble de documents publiés et non publiés.

Les sources non publiées proviennent de trois centres d'archives russes et d'un centre français : Les Archives de la politique extérieure de l'Empire russe (АВПРИ)

(Moscou)²⁴, les Archives historiques militaires de l'État russe (РВИА) (Moscou)²⁵, les Archives historiques de l'État russe (РГИА) (Saint-Pétersbourg)²⁶ et le Service historique de la Défense français (SHD) (Vincennes)²⁷. Les témoignages publiés le furent sous différents formats dans le cadre de collections et de périodiques²⁸. Ce sont ces témoignages publiés qui ont connu une certaine popularité et qui ont influencé les opinions publiques des deux pays.

La thèse est basée sur deux types de sources écrites. Premièrement, il s'agit de sources d'origine personnelle : mémoires, lettres privées, journaux intimes et notes. De plus, nous avons utilisé des œuvres d'art (romans) ou des textes issus du folklore populaire (paroles de chanson) écrits par des combattants. Ce corpus a permis de se faire une idée de la représentation de la campagne de Crimée qu'ont souhaité faire les militaires français et russes, notamment sur les combats et la vie quotidienne. Il est à noter que ce corpus se distingue par le degré de subjectivité présent dans les témoignages qui sont des « porteurs d'informations sociales »²⁹. Nous avons donc pris en compte ce phénomène dans notre analyse.

Notre corpus de sources comprend aussi un certain nombre de papiers officiels³⁰ : des correspondances des différents chefs militaires en Crimée entre eux,

²⁴ АВПРИ. Ф. 133 Канцелярия 1854 469 92, Mémoires pour l'année 1854; Ф. 133 Канцелярия 1855 469 85, Correspondance entre la chancellerie et le ministère de la Guerre en 1855.

²⁵ РВИА. Ф. 481. Оп. 1, № 1, 1853, мая 21 - 1855, авг. 20. Переписка главнокомандующего сухопутными и Морскими силами в Крыму адмирала А.С. Меншикова с военным министром В.А. Долгоруковым об укреплении Севастополя силах и намерениях противника, о снабжении войск; Ф 481 Оп. 1 № 28, 1855, июня 20. Описание отражения штурма Севастополя союзными войсками от июня 1855. сост. М. Д. Горчаков; Ф. 481. Оп. 1, № 64, Воспоминания доктора А.А Генрици о войне 1853-1856 и о медицинском обслуживании войск ч. II 101 + 18 иллюстрации.

²⁶ РГИА. Ф. 651. Дд. 369, 373, 375, 376, 380, 383, 384, 421.

²⁷ SHD. GR 7 YD 1595 THOUMAS Charles ; GR 9 YD 57 FAY Charles-Alexandre ; GR 1 K 73 Fond privés Guerre ; GR 1 K 184 Fond Sereville; GR 1 KT 213 Fond Eckenfelder; GR 1 KT 478 1 Fond de Salles; GR 1 KT 579 Fond Grisey ; GR 1 KT 1166 Fond Compère — *Colonel Louis Normand* ; GR 1KT 1427 Fond Lavigne-Deville ; Gr 1 KT 13781 Fond capitaine Louis Brindejonc; MV 16 GG² 1 Boüet-Willamez; MV 53 GG² 1 Penaud ; MV 57 GG² 1 Riant ; MV 130 GG² 1 Régley; MV 154 GG² 1 Rieunier.

²⁸ Глебов П. Записки П.Н. Глебова // Русская старина. 1905. №1. С. 94 - 112; Орда А. Письмо севастопольца // Русская старина. 1893. № 12. С. 609 - 614.

²⁹ Георгиева Н.Г. Классификация и полифункциональность исторических источников // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «История России». 2016. Т. 15. № 1. С. 13.

³⁰ АВПРИ. Ф. 133 Канцелярия 1854 469 92, Mémoires pour l'année 1854; Ф. 133 Канцелярия 1855 469 85, Correspondance entre la chancellerie et le ministère de la Guerre en 1855; РВИА. Ф. 481 Оп. 1 № 1, 1853, мая 21 - 1855, авг. 20. Переписка главнокомандующего сухопутными и Морскими силами в Крыму адмирала А.С. Меншикова с военным министром В.А. Долгоруковым об укреплении Севастополя силах и намерениях противника, о снабжении войск; Ф 481 Оп. 1 № 28, 1855, июня 20. Описание отражения штурма Севастополя союзными войсками от июня 1855. сост. М. Д. Горчаков; Ф. 651 Оп.1 Д. 384. Расчет числа людей необходимых для занятия укреплений оборонительной линии во время осады Севастополя; Ф. 651, Оп. 1, Д. 421. Обзор устройства и состояния госпиталей в войну 1853-1856 годов.

avec les ministères ou avec certains départements de leur administration respective. La majorité des sources qui ont été utilisées pour cette étude sont inédites et n'ont donc pas été publiées ou utilisées pour les précédents ouvrages consacrés à la campagne de Crimée. Enfin, rappelons que pour la constitution de ce corpus a été pensée dans l'objectif de présenter une image de la guerre de Crimée la plus équilibrée possible entre les représentations des militaires français et russes. Enfin, rappelons que ce corpus a été construit de manière à offrir la meilleure équité possible entre les témoignages des militaires français et russes pour reconstruire une image de la guerre de Crimée.

Ce corpus de sources semble être représentatif et permet donc de résoudre les différentes tâches fixées pour cette étude.

Base méthodologique de l'étude. Outre les principes généraux de l'historiographie (historicisme, méthode d'histoire comparée), les approches méthodologiques utilisées dans cette étude correspondent à la spécificité et à la nature du corpus de sources. Ont donc été employées dans ce but, les méthodes d'analyse de l'histoire militaire, de la microhistoire, de l'anthropologie historique, de l'histoire culturelle et de l'histoire des relations internationales. La présente étude implique ainsi la méthodologie de l'anthropologie historique en reconstruisant l'aspect émotionnel de la guerre et l'expérience individuelle ressentis en première ligne lors d'un conflit. De plus, il semble que l'emploi d'une approche socioculturelle pour l'étude de la campagne de Crimée puisse permettre de voir la guerre « à hauteur d'homme », à travers les yeux des combattants, qui ont chacun une vision propre des événements dans lesquels ils sont impliqués.

Tout aussi importante est la reconstruction de l'interprétation et de la représentation de la nature même de cette guerre de Crimée dans les sociétés françaises et russes, et tout particulièrement chez les militaires. C'est pourquoi cet ouvrage compare les différentes représentations qui étaient faites lors des guerres napoléoniennes et dans les années 1850. Cela permet de mieux comprendre les principales formes de jugement et d'attitude pris par les militaires français et russes face à la guerre, et ainsi de mieux comprendre leur évolution.

Enfin, en raison de la nature pluridisciplinaire de cette, étude, il était justifié d'employer des méthodes issues de la sociologie, de la psychologie et de la littérature. Ces approches méthodologiques garantissent ainsi la validité scientifique de ce travail.

La valeur pratique et théorique de l'étude tient au fait qu'elle propose d'analyser des témoignages peu étudiés de la campagne de Crimée, tout en proposant une nouvelle approche d'événements étudiés par les historiens de la seconde moitié du XIXe siècle au début du XXIe siècle.

L'importance de ce travail est par ailleurs justifiée par son utilisation de sources originales en russe et en français. Ainsi, les conclusions de cet ouvrage pourront servir de source auxiliaire à l'élaboration de cours spécialisés destinés à des étudiants en Histoire, ainsi qu'aux écoles militaires françaises et russes.

Dispositions à défendre.

1. La bataille est un élément central dans la représentation de la guerre. Ainsi, un grand nombre de Mémoires et de correspondances rédigées par les militaires français et russes ont pour thème les batailles de la campagne de Crimée. Élément central de toute campagne militaire depuis Pierre Ier, Frédéric II et Napoléon Ier, la bataille est donc au cœur du récit militaire, éclipsant ainsi d'autres aspects.

2. À la lecture des témoignages français et russes apparaît une certaine idéalisation de la guerre, typique des sociétés européennes de la première moitié du XIXe siècle. Cette idéalisation résulte de la combinaison entre l'héritage des guerres napoléoniennes, le « mal du siècle » romantique et un désir d'aventure, de gloire et d'actes de bravoure. La guerre de Crimée souvent été perçue à travers ce prisme par les combattants.

3. Il est clair que malgré une image romantique de la guerre véhiculée dans leurs récits, les soldats et officiers furent confrontés à la réalité de la guerre. Ils furent en effet confrontés d'une part, aux principes séculaires de la guerre de siège, et d'autre part à un certain nombre d'innovations générées par cette campagne dans les domaines de l'armement et de la logistique. Face à ces changements, il fut donc nécessaire pour ces hommes, d'apprendre une autre façon de faire la guerre, en évaluant l'efficacité des armes nouvelles créées par la révolution technologique et industrielle de la première moitié du XIXe siècle.

4. Les représentations de la guerre ainsi que le modèle de virilité militaire développé depuis l'époque napoléonienne ont influencé l'imaginaire des combattants de la campagne de Crimée. Ces stéréotypes et clichés sur l'attitude à adopter face au feu ont perduré jusque dans les témoignages de combattants du XXe siècle, démontrant une certaine continuité dans l'écriture des récits de guerre.

La campagne de Crimée a joué un rôle dans cette transmission de clichés virils et idéalisés par le biais des témoignages des soldats et officiers.

5. Il convient de relever l'existence de points communs entre les témoignages français et russes quant à la perception de la guerre de Crimée, qui démontre une certaine transnationalité de la culture militaire à cette époque : minimisation des émotions, mise en valeur de l'héroïsme, etc.

6. La campagne de Crimée n'a pas été perçue par les militaires français et russes comme un choc entre nations, une guerre de religion ou un conflit culturel. De nombreux témoignages, notamment français, montrent un certain respect de l'adversaire, avec de nombreuses anecdotes qui indiquent une compréhension mutuelle, voire une attitude bienveillante entre les deux camps, tout particulièrement lors des périodes de calme. Ce fait est extrêmement important pour l'étude des relations franco-russes du milieu du XIXe siècle.

La fiabilité des résultats de cette thèse est assurée par le fait qu'elle s'appuie sur un large éventail de sources et une importante bibliographie répondant aux différents problèmes soulevés. Une analyse complète des travaux de chercheurs russes et étrangers reflétant le processus de formation et d'évolution des représentations des militaires français et russes sur la campagne de Crimée a ainsi pu être réalisée.

Les conclusions du présent travail ont été **éprouvées et** présentées dans 6 articles scientifiques (dont 1 article publié dans une revue incluse dans la base de données internationale des citations scientifiques Web of Science. 2 ont été publiés dans des revues scientifiques référencées dans les listes recommandées par l'Université russe de l'Amitié des peuples pour la publication des principaux résultats de recherche dédiés aux mémoires de qualification pour le diplôme de candidat des sciences). Les constats et les dispositions pour la défense ont été présentés lors des conférences organisées à l'Université russe de l'Amitié des Peuples, à l'Université de Grenoble-Alpes (France), au Service historique de la Défense française et aux réunions du Laboratoire universitaire de Grenoble-Alpes « Histoire, Culture, Italie, Europe » (France). Ces travaux visaient à la fois à préparer une étude sur la perception mutuelle des militaires français et russes, et à faire le point sur l'historiographie française de la guerre de Crimée.

La thèse a été discutée lors d'une réunion du département d'histoire de la Russie de l'Université russe de l'amitié des peuples, et a été approuvée et recommandée pour la soutenance.

La **structure de la thèse** est définie par les buts et objectifs de la recherche et présente une introduction, trois chapitres (regroupés selon la problématique définie pour cette étude), une conclusion et une annexe. Cette structure a permis de révéler les multiples aspects de la représentation de la campagne de Crimée dans les mémoires, notes et lettres de ses participants des côtés russe et français et de résoudre ainsi les tâches fixées dans le travail.

II. CORPS DE L'ÉTUDE

L'**introduction** comprend la justification du sujet, sa pertinence, sa nouveauté. Elle comprend aussi la définition du sujet et de l'objet de l'étude, son objectif, les tâches nécessaires à son accomplissement, et le cadre chronologique de l'étude. L'introduction formule les dispositions à défendre, présente le corpus de sources, la base historiographique de l'étude, et définit l'importance pratique de ce travail.

La **première partie**, intitulée « **Raconter les grandes batailles de la campagne de Crimée** » est consacrée à l'analyse des représentations des différentes batailles de la campagne de Crimée de 1854-1856 par les combattants.

Le premier chapitre, intitulé « *Quelles sont les batailles de la campagne de Crimée ?* » s'interroge sur la définition même du terme de « bataille » dans les témoignages de combattants. En effet, rappelons que depuis le Moyen-Âge, la description des batailles occupe une place importante au sein de la littérature de guerre. Les récits des batailles de la campagne de Crimée sont donc très intéressants, car ils permettent de mieux comprendre l'auteur du témoignage en valorisant ses croyances, ses sentiments, ses émotions, son degré de connaissance, etc. Ces éléments ont été longuement étudiés par nombre d'historiens français, qui ont noté le caractère « propagandiste » de tels écrits et leur impact sur l'opinion publique³¹. C'est le cas notamment des œuvres de L.N. Tolstoï et L. Noir qui connurent un

³¹ Drévilion H., *Offenstadt N. Conclusion // La Bataille. Du fait d'armes au combat idéologique XIe-XIXe siècle* sous la direction d'Ariane Boltanski, Yann Lagadec et Franck Mercier. Rennes, 2015. Pp. 275 - 281.

certain succès au XIXe siècle³².

Le second chapitre, titré « *De la tactique dans les témoignages sur les batailles* » porte sur les réflexions tactiques sur les batailles dans les récits de combattants. En effet, un certain nombre d'officiers russes nous ont par exemple laissés plus écrits sur les tactiques et la stratégie employées par leur armée³³. Côté français, les deux lettres du capitaine Jean-Jules Herbé sur la bataille de la Tcherniaïa sont très intéressantes : la première est pauvre en informations et purement formelle, tandis que la seconde détaille les combats et se vit même adjoindre un plan de la bataille. Le capitaine Charles-Alexandre Fay a quant à lui ajouté un plan de la Chersonèse en annexe de ses Mémoires³⁴. En revanche, les récits détaillant les aspects tactiques et stratégiques des batailles sont bien plus rares parmi les sous-officiers et les simples soldats. Ainsi, le soldat russe Mathieu Shtykov s'excusait dans une de ses lettres, de ne pas pouvoir donner autant de détails sur la bataille de l'Alma que le souhaiterait son interlocuteur — son oncle³⁵.

Notons d'ailleurs que certains témoignages sont aussi riches en détail que les rapports officiels et les lettres de généraux. De plus, la présence de ces aspects techniques dans le récit montre une volonté des combattants à vouloir analyser le déroulement des batailles, à étudier la stratégie employée (celle de son armée et celle de son adversaire), pour réfléchir ensuite sur la suite des opérations. Cela se transforma parfois en véritable critique du plan prévu par l'état-major comme le montre le témoignage du capitaine polonais R. Chodasiewicz, officier déserteur de l'armée russe qui écrivit ses Mémoires pour le public britannique³⁶.

Le troisième chapitre, « *Raconter sa bataille : l'expérience individuelle dans les récits* », est consacré à la place de l'expérience personnelle des batailles dans les témoignages des combattants. Il s'intéresse notamment aux récits d'actions individuelles et à la place des émotions. En effet, à cette époque, la guerre était

³² Noir L. *Guerres de mon temps* par Louis Noir. Paris, 1869; *Totlstoï L. Les récits de Sébastopol*. Traduit du russe par Louis Jousserandot. Paris, 2019 [1988].

³³ Богданович М.И. Ibid.; Балуевский Ю.Н. Ibid. С. 34 - 43; Аничков Военно-исторические очерки Крымской экспедиции, составленные... Ч. 1 / Аничков. СПб., 1856; Herbé J.-J. *Français & Russes en Crimée. Lettres d'un officier français à sa famille pendant la campagne d'Orient*. Paris, 1892. Pp. 307 - 313.

³⁴ Fay Ch.-A., *Souvenirs de la guerre de Crimée, 1854-1856* par le Général Fay ancien aide de camp du Maréchal Bosquet. Deuxième édition. Paris/Nancy, 1889.

³⁵ Штыков М. Письмо изъ Крыма. Раненаго русскаго солдата къ дядѣ его, отставному унтеръ - офицеру Ивану Егорову Штыкову. М., 1855. С. 26 - 27.

³⁶ Chodasiewicz R. *Voice from within the walls of Sevastopol: a narrative of the campaign in the Crimea and of the events of the siege*. London, 1856. P. 72.

devenue le sujet de fantasmes et de rêves chez de nombreux jeunes hommes à travers l'Europe. La participation à une bataille était alors la preuve de la virilité et du courage du participant. Cette image de l'armée comme un moyen d'acquérir un « brevet de virilité » était alors le fruit de l'influence des vétérans des guerres napoléoniennes sur la génération des années 1830-1850³⁷.

La réalité du combat était pourtant bien éloignée des scènes décrites dans les romans, les récits d'anciens combattants ou à travers la peinture militaire. Comme le souligne à juste titre J. Keegan, le champ de vision du soldat sur le champ de bataille est fortement limité par « l'environnement sensoriel » généré par les combats. La ligne de feu était en effet totalement recouverte par la fumée de la poudre à canon, ce qui restreignait fortement du soldat. À cela s'ajoutaient les cris, les explosions et le sifflement des balles. Comme le souligne H. Mazurel, cet univers chaotique provoque une série d'émotions fortes et contradictoires, la peur se mélangeant à une montée d'adrénaline³⁸. Ce chaos est intensifié par la vue des morts et des blessés qui représentent un important facteur de démoralisation. La connaissance implicite ou non d'un tel univers pousse alors les soldats à développer certaines croyances irrationnelles³⁹. Il convient de noter que ces comportements parfois irrationnels des combattants ne sont guères présents dans les témoignages des militaires français et russes. Cependant, dans de rares cas, ces descriptions d'émotions et de sensations existent bel et bien⁴⁰.

Ainsi, Français comme Russes mirent principalement en avant l'héroïsme dans leurs témoignages, qu'il s'agisse du leur ou de celui de leurs camarades, cachant les sentiments en opposition à la virilité militaire. Contrairement à la bravoure individuelle, la peur avant ou pendant l'attaque est rarement mentionnée. On observe donc une sorte d'autocensure dont découlent trois points essentiels. Premièrement, les combattants ont adapté leur discours à leurs lecteurs potentiels. Deuxièmement, la pression sociale qui pèse sur les épaules du militaire lui impose de véhiculer certains stéréotypes, notamment le fait que le militaire est un exemple

³⁷ *Bertaud J-P.* L'armée et le brevet de virilité//Histoire de la virilité. 2. Le triomphe de la virilité. Le XIXe siècle. Sous la direction d'Alain Corbin. Paris, 2011. P. 63 - 79.

³⁸ *Mazurel H.* Enthousiasmes militaires et paroxysmes guerrier//Histoire des émotions. 3, De la fin du XIXe siècle à nos jours. Sous la direction d'Alain Corbin, Jean-Jacques Courtine et George Vigarello. Paris, 2017. Pp. 227 - 256.

³⁹ *Trévisi M., Vissière L.* Introduction//Le feu et la folie. L'irrationnel et la guerre (fin du Moyen-Âge-1920). Sous la direction de Laurent Vissière et Marion Trévisi. Pp. 7 - 18.

⁴⁰ *Bédarrides J-P.* Journal humoristique du siège de Sébastopol par un Artilleur. Tome Premier. Paris, 1868. Pp. 240 - 241.

de courage. Troisièmement, on observe une image de la guerre dépeinte comme une aventure fraternelle, commune, dans laquelle la lâcheté et la trahison n'ont pas leur place. Et les combattants tentent sciemment de véhiculer cette image dans la société. Enfin, on peut souligner le moral élevé de l'armée russe, comme le rapportèrent d'ailleurs les combattants eux-mêmes. Léon Tolstoï écrivit ainsi : « Le moral de la troupe est au-delà de toute description. Même à l'époque de la Grèce antique il n'y avait pas tant d'héroïsme... Je n'ai pas encore pu participer à une seule affaire, mais je remercie Dieu de m'avoir permis de voir ces gens vivre en cette période glorieuse »⁴¹.

Ainsi, cette première partie montre que, malgré une vision très romantique de la bataille, soldats et officiers se sont montrés très avarés quant à l'expression des émotions générées par le combat, ne mentionnant pour la plupart que des qualités comme le courage et la bravoure⁴².

La deuxième partie, intitulée « Le siège de Sébastopol raconté par les combattants », est consacrée à la place de l'élément central de la campagne de Crimée dans les témoignages ; le siège de Sébastopol qui est traité dans tous les Mémoires et autres témoignages des combattants. Et outre les combats pour la défense de la ville au cours d'une longue guerre de position, cette période vit le développement de contacts étroits entre Français et Russes ; contacts qui permirent l'élaboration et chanson et de blagues par la suite.

Le premier chapitre de cette partie, « *Le siège de Sébastopol : dans l'univers de la guerre de positions* » s'intéresse aux combats qui eurent lieu quotidiennement au cours des 349 jours que dura le siège de Sébastopol, ainsi qu'à leurs particularités. En effet, le siège de Sébastopol fut avant tout le théâtre de petits combats au jour le jour, parfois entrecoupés de grandes batailles. Ces escarmouches étaient alors très semblables à celles que l'on pouvait observer dans les guerres coloniales de cette époque ou à la Guerre d'indépendance grecque. À ces combats diurnes, s'ajoutaient de très nombreux affrontements nocturnes, souvent au corps à corps, des sorties de la garnison et les combats de francs-tireurs.

En parallèle, les soldats français et russes durent apprendre à vivre avec un duel d'artillerie constant, entrecoupé de six grands bombardements contre la ville assiégée. Ainsi, le siège de Sébastopol se caractérise par une concentration massive

⁴¹ Толстой Л.Н. Письмо к С.Н. Толстому от 20 ноября 1954 г. Эски-Орда // Собрание сочинений в двадцати томах. Т. 17. М., 1965. С. 74.

⁴² Par exemple, de Molènes P. Les commentaires d'un Soldat. Paris, 1860.

de matériels d'artillerie dans chaque camp (au 5 septembre 1855, les Russes alignaient 1381 pièces d'artillerie et les Alliés 803). À titre de comparaison, l'artillerie de siège sous le règne de Napoléon Ier était bien plus réduite.

Les témoignages de la campagne de Crimée soulignent ainsi le rôle majeur joué par l'artillerie pendant ce siège, et mentionnent donc les émotions générées par les grands bombardements ainsi que l'adaptation de l'homme face à ce feu constant. Le second chapitre de cette partie, intitulé « *Vivre le siège au quotidien* », analyse l'organisation de la vie « pacifique » des combattants et de son organisation « en dehors de la guerre », « en dehors des tranchées ». En effet, les militaires français et russes ont beaucoup écrit sur les différents aspects de la vie en campagne et sur le changement du mode de vie qu'accompagnait le transfert d'un corps à un autre. De plus, on peut retrouver des notes qui détaillent le service de plusieurs unités distinctes⁴³.

Au sein de cette vie en campagne, l'étude des différents aspects que pouvait prendre le repos du militaire est très intéressante, tout comme l'organisation de la vie de camp et l'étude des moyens qu'avaient ces hommes pour se divertir (chasse, pêche, jardinage). Les témoignages des militaires relatent notamment la fréquentation de restaurants, de bars et de théâtre, que ce soit dans la ville assiégée ou dans les camps français avec notamment la troupe de théâtre créée par les zouaves.

Ce chapitre consacre par ailleurs l'une de ses parties à l'analyse des témoignages de marins ainsi qu'à leur vie quotidienne, cette catégorie de soldats ayant joué un rôle important dans le siège de Sébastopol⁴⁴.

Notons à ce propos que le travail heuristique effectué dans les archives a révélé un nombre de témoignages de marins bien inférieur à celui des « terriens ». Ce phénomène s'explique par les effectifs plus restreints des marines par rapport aux armées de terre. Le rôle des marins dans la guerre de Crimée reste cependant un des sujets les moins étudiés de ce conflit et mériterait une étude à part entière. Pour la marine française, la plus grande partie des archives sur cette période se trouvent aux antennes de Toulon, Brest et Cherbourg du Service historique de la Défense. Les

⁴³ *Аноним.* Севастополь в нынешнем состоянии. Письма из Крыма и Севастополя. М., 1855. С. 32.

⁴⁴ *Totleben E.* Défense de Sébastopol, vol. 2, partie 2. Saint-Petersbourg, 1863. P. 182. https://books.google.fr/books?id=_tcKAAAIAAJ&printsec=frontcover&dq=inauthor:%22graf+%C4%96duard+Ivanovich+Totleben%22&hl=fr&sa=X&ved=0ahUKEwip57Xwr47pAhWoy4UKHVABBIoQ6AEIKDAA#v=onepage&q&f=false

documents relatifs à la marine impériale russe sont quant à eux conservés aux Archives d'État de la Marine à Saint-Petersbourg (RGAVMF).

Le troisième chapitre de cette partie, « *Les représentations de l'autre : regards croisés des combattants français et russes sur leurs adversaires* », est quant à lui consacré aux lieux de rencontre et à la nature des échanges entre les soldats français et russes. La lecture des témoignages des militaires des deux nations a en effet permis de mettre en avant plusieurs « moments » de rencontre. Le premier et plus logique d'entre eux est le champ de bataille, qui permet à l'individu de juger les qualités martiales de son adversaire. Le second « moment » de rencontre est la zone de trêve entre les deux armées et qui permettait aux soldats des camps de communiquer et d'échanger leurs points de vue. À ce titre, nous pouvons mentionner la lettre du zouave Chantaume qui parla brièvement de la suspension d'armes organisée après la capture du Mamelon vert et des Ouvrages blancs par les Français le 7 juin 1855. Autre moment de rencontre, l'armistice signé début 1856 pour la péninsule de Crimée et qui permit aux soldats des deux camps de se rencontrer et d'échanger régulièrement, voire à se rendre visite.

Ces rencontres et échanges sont bien moins présents dans les témoignages des militaires russes qui préférèrent se concentrer sur les combats. Mais l'analyse des différents documents permet de voir une représentation positive de l'ennemi, tant chez les Français que chez les Russes. Cependant, cette image positive de l'adversaire n'empêche pas les déclarations de soldats et d'officiers annonçant vouloir « tous mourir sur place... mais de punir l'ennemi pour chaque pas en avant qu'il effectuera, que chaque pas des Français soit difficile et fait dans le sang »⁴⁵. En revanche, malgré ces déclarations, la description de scènes de violences et d'atrocités commises par l'adversaire est rare, et c'est plus un respect mutuel entre les deux armées qui transparait au travers des anecdotes rapportées par les combattants. Cette vision plutôt positive de l'ennemi est d'autant plus intéressante que dans le cas français, elle diverge de la représentation qu'avaient les milieux intellectuels français de la Russie, alors majoritairement russophobes.

Enfin, cette bonne entente entre soldats français et russes est également très intéressante lorsqu'on la compare à la représentation de l'armée anglaise dans les témoignages des soldats de Napoléon III. En effet, ceux-ci ne cachèrent pas leur

⁴⁵ Записки севастопольца // Русская старина. 1893. № 12. С. 613 - 614
<https://runivers.ru/upload/iblock/c5e/80.pdf>

mécontentement vis-à-vis de leur allié britannique, se plaignant notamment de leur lenteur qui engendra des retards constants. L'autre armée combattant au côté de la France dans ce conflit, l'armée ottomane, fut encore plus critiquée par les soldats français, qui se plaignirent du bruit et de l'odeur qui émanait des cantonnements turcs. En fait, parmi les alliés de la France, seuls les soldats piémontais trouvèrent grâce aux yeux des combattants français dont finalement, l'attitude reflète les liens diplomatiques officiels qu'entretenait la France avec ces différents pays.

Ainsi, les critiques à l'encontre de l'armée britannique reflètent l'inimitié historique entre les deux pays, tandis que la sympathie envers les Piémontais témoigne de la bonne entente entre Napoléon III et la Maison de Savoie.

La troisième partie de cette étude, intitulée « **Le combattant face à la guerre : idéalisation désillusions et découvertes des horreurs de la guerre** » s'intéresse, elle, à la perception émotionnelle de la guerre, romantisée, puis face à l'horreur qu'elle génère.

Le premier chapitre de cette partie, « *De l'idéalisation de la guerre à la lassitude d'une campagne à la longueur imprévue* », se consacre à l'analyse de la représentation de la campagne de Crimée et de son évolution dans les témoignages des combattants français et russes : partant d'une idéalisation de la guerre, elle dérive vers une lassitude du soldat en campagne. Rappelons qu'au moment de la déclaration de guerre, les soldats des deux camps se montrèrent enthousiastes à l'idée de partir combattre. En France, les soldats souhaitaient démontrer leur valeur au combat et suivre les pas de leurs prédécesseurs des guerres napoléoniennes. En Russie, les jeunes recrues étaient portées par les récits des vétérans de la guerre russo-turque de 1829⁴⁶. Cependant, cette euphorie généralisée n'est pas exempte de craintes quant au futur conflit.

Trois représentations de la guerre émergent à ce moment-là : la guerre comme une aventure, la guerre comme une nouvelle croisade, et la guerre nationale. L'étude des différents témoignages a permis de mettre en avant une différence notable entre les militaires français et russes à ce sujet. Pour les premiers, la campagne de Crimée est avant tout vécue comme une aventure, un voyage, chose que l'on retrouve pour toutes guerres menées par le Second Empire (1870 exceptée). Cette représentation de la guerre de Crimée comme une occasion de partir à l'aventure est alors compréhensible, car elle intervient dans un contexte exaltant la recherche de

⁴⁶ *Погоский А.Ф.* Старики - Разказъ изъ Крымской войны. Изданіе восьмое. СПб., 1909. С. 6.

nouveauté, de gloire et d'aventure. Pour les seconds — les soldats russes —, la campagne de Crimée fut en revanche bien plus vécue comme une guerre défensive, religieuse ou nationale. Cette interprétation patriotique du conflit se retrouve dans des lettres de soldats qui écrivirent que pour eux, leur mission était avant tout de protéger la patrie contre un ennemi qui envahissait le territoire national⁴⁷. Cependant, cette vision idéalisée de la guerre s'érode au fil du temps, notamment au contact de la guerre de tranchées dont la violence et les risques sont quasi quotidiens. Par ailleurs, les soldats n'hésitaient pas à se plaindre de la faim et du froid. Ils n'hésitaient pas non plus à exprimer leur malaise face à la vue du sang, des morts et des blessés. Les discours de gloire et d'aventure laissaient ainsi la place à la mise en avant de la résilience dont il fallait faire preuve face à cette sombre réalité. Ainsi, certains militaires comme l'officier d'artillerie V. Kolchak n'hésitèrent pas à parler ouvertement de ces difficultés et leur dégoût face à toute cette violence⁴⁸.

Toujours sur ce sujet des représentations de la guerre, il convient de noter une particularité propre à l'armée impériale russe : le besoin de se tourner vers Dieu dans des moments aussi difficiles. En effet, le clergé orthodoxe fut présent tout au long du siège de Sébastopol et ce, jusque sur les champs de bataille. Et comme le souligne l'historienne russe L.V. Melnikova, « le clergé militaire et naval formait une catégorie à part au sein de la classe spirituelle de l'Empire russe. Car en plus d'assurer les fonctions traditionnelles du clergé, et l'exécution des demandes chrétiennes, les prêtres régimentaires et les aumôniers de marine partageaient avec la troupe tous les aléas et difficultés de la vie militaire, dont les dangers, et ce, au péril de leur vie »⁴⁹.

De plus, comme le note l'historien N. N. Smoline, les soldats voyaient toujours dans leurs victoires une aide divine, et dans leur défaite « la colère de Dieu »⁵⁰. Ainsi, on peut voir dans leurs écrits des appels constants à Dieu, à la

⁴⁷ *Бугайский П.Я.* Оборона Севастополя (Разказ очевидца) П.Я Бугайского с портретами императоров Николая , Александра 2 и генералов Корнилова, Тотлебена и Нахимова. СПб., 1877. С. 16; АВПРИ. Ф. 481 Оп. 1. №1: 1853, мая 21 - 1855, авг. 20. Переписка главнокомандующего сухопутными и Морскими силами в Крыму адмирала А.С. Меншикова с военным министром В.А. Долгоруковым об укреплении Севастополя силах и намерениях противника.

⁴⁸ *Колчак В.* Война и плен 1853-1855 гг. СПб., 1904. С. 35.

⁴⁹ *Мельникова Л.В.* Военное и морское духовенство в годы Крымской войны 1853-1856 гг. // Военно-исторический журнал. издание минобороны России. 2012. <http://history.milportal.ru/duhovenstvo/> (Mis en ligne le 08.07. 2020)

⁵⁰ *Смолин Н.Н.* Характерные черты массового героизма русских войск в ходе Крымской войны 1853-1856 // Военно-историческая антропология. Ежегодник 2003-2004: Новые научные направления. М., 2005. С. 91 - 100.

volonté divine, aux traditions orthodoxes, etc., ce qui leur semble leur avoir permis de bien mieux supporter les souffrances et l'âpreté des combats⁵¹.

Le second chapitre de cette partie, intitulé « *Raconter les blessures et la mort au combat* », s'intéresse à la place accordée à la mort et aux blessures dans les témoignages des combattants. En effet, la guerre de Crimée fit payer un lourd tribut aux différents belligérants : 95 000 Français, 22 000 Britanniques et environ 475 000 Russes y laissèrent la vie⁵².

Pour ce faire, il convient tout d'abord de revenir sur les dangers physiques auxquels ces hommes étaient exposés. Ce travail a pu être effectué grâce aux nombreuses études laissées par les médecins et chirurgiens des deux armées. L'étude menée par Paul Dusault montra ainsi une augmentation significative de la puissance des armes d'infanterie grâce à l'introduction de nouvelles technologies⁵³. Au côté de ces blessures nouvelles, les combattants continuèrent d'être exposés à des blessures plus classiques causées par les balles rondes et le corps à corps. L'emploi d'une grande diversité d'armes nouvelles et anciennes fit que les combattants s'exposaient à de nombreux types de blessures. On note d'ailleurs que les blessures aux membres inférieurs et supérieurs étaient particulièrement fréquentes et se traduisaient bien souvent par une amputation.

La description des blessures au combat nous permet ainsi de mieux nous représenter l'intensité et l'ampleur des combats, ainsi que les traumatismes psychologiques causés par la guerre. Cependant, ces descriptions laissées par les médecins et les combattants ne permettent pas de bien cerner leur ressenti face à la mort et aux blessures. Notons enfin que leurs récits permettent de savoir que les blessés et les tués pouvaient être pris en charge par les forces adverses.

Le troisième et dernier chapitre de cette partie, « *Raconter les épidémies et la mort de maladie* », se penche sur les différentes maladies qui ravagèrent les rangs des armées déployées en Crimée. En effet, le choléra et le typhus font partie intégrante de l'histoire de la guerre de Crimée, au point de faire l'objet de plusieurs

⁵¹ Глебов П. Записки П.Н. Глебова // Русская старина. 1905. № 1. С. 94 - 112.

⁵² Ponting C. The Crimean War – The Truth Behind the Myth –. London, 2004. С.334.

⁵³ Dusault P. Observation prises au siège de Sébastopol sur les plaies par balle cylindro-coniques : Caractères qui les différencient des plaies par balles rondes — Thèse présentée et publiquement soutenue à la Faculté de Médecine de Montpellier le 16 avril 1858 par Paul Dusault ex-Chirurgien des Compagnies de matelots canonnières débarqués pour faire le service à terre sous les murs de Sébastopol. Montpellier, 1858.

travaux d'historiens⁵⁴. Le typhus dans l'armée française fit d'ailleurs l'objet d'une thèse soutenue par A. Casteran dans les années qui suivirent le conflit⁵⁵. Cet intérêt pour les maladies s'explique par le grand nombre de décès provoqués par celles-ci et qui dépassent de loin le nombre de morts au combat. Nous pouvons cependant noter que certains témoignages ne firent pas mention des épidémies. C'est le cas notamment des écrits — pourtant très détaillés — du capitaine Fay et du général Totleben qui ne contiennent pas d'informations sur la situation sanitaire des troupes. Cette absence peut être vue comme la manifestation d'un tabou autour de la maladie dans les armées, tout comme la mort de maladie qui semble avoir été perçue comme honteuse et peu enviable.

De fait, les seules personnes mortes de maladie qui furent mentionnées dans les témoignages le furent pour souligner leur courage face à ce destin peu enviable⁵⁶. Mais ce faible nombre de mentions de décès de malades peut aussi s'expliquer par la situation sanitaire européenne à cette époque : le continent avait en effet connu plusieurs épidémies de choléra depuis son apparition en 1832. Ainsi, les décès dus aux maladies étaient fréquents dans l'Europe de la première moitié du XIXe siècle, époque durant laquelle la médecine ne pouvait encore apporter de réponse à ce fléau.

L'étude se **conclut** par un bilan de ce qu'il nous faut retenir de cette analyse des sources et de l'historiographie de la guerre de Crimée. En guise de conclusion générale, nous pouvons rappeler les points suivants :

1. La guerre de Crimée fut le premier conflit entre grandes puissances européennes depuis le congrès de Vienne de 1815 et marqua à vie les différentes personnes qui y prirent part. Cette conscience d'avoir participé à un événement historique majeur se manifeste par une certaine fierté des combattants. Ces deux points se retrouvent dans l'ensemble du corpus de sources analysé pour cette étude.

⁵⁴ *Fredj C.* Médecins en campagne, médecine des lointains. Le service de santé des armées en campagne dans les expéditions lointaines du Second Empire (Crimée, Chine-Cochinchine, Mexique), sous la direction de Monsieur Daniel Nordman. Thèse EHESS, 2006; *Fredj C.* Compter les morts de Crimée : un tournant sur l'identité professionnelle des médecins de l'armée française (1865-1882)//Histoire, Économie et Société. 2010/3. Pp. 95 - 108; *Lemaire M.* La guerre de Crimée : Chronique et analyse d'un désastre sanitaire (1854-1856), Thèse de doctorat en Histoire militaire et études de la défense, sous la direction de Jean-Charles Jauffret. Montpellier, 2006.

⁵⁵ *Casteran A.* Du typhus des camps observé en Crimée pendant le siège de Sébastopol — Thèse présentée et publiquement soutenue à la Faculté de Médecine de Montpellier le 29 février 1856, par Casteran (Adolphe) né à Arette (Basses-Pyrénées), Médecin Aide-Major pour obtenir le grade de docteur en médecine. Montpellier, 1856.

⁵⁶ SHD GR 1 KT 1166 1 Fon Compère — *Louis Normand.*

2. L'analyse comparative des témoignages des militaires français et russes a permis de relever plusieurs traits communs entre les soldats des deux nations sur leur perception de la campagne de Crimée. Cette unité d'appréciation de la campagne tend à montrer une certaine uniformité des sociétés européennes sur leur rapport à la guerre. Cette unicité, que l'on retrouve dans les sources, peut être la manifestation de l'héritage laissé par les guerres napoléoniennes dans la mémoire collective européenne. De plus, la campagne de Crimée est à placer au rang des événements majeurs de cette période, qui ont influencé le développement de l'histoire militaire tant en France qu'en Russie. Enfin, cette guerre peut être vue comme le premier pont reliant l'art de la guerre napoléonien aux guerres modernes avec l'emploi d'armes nouvelles.

3. Compte tenu du taux d'alphabétisation en France et en Russie à cette époque, les témoignages sur la guerre de Crimée qui nous sont parvenus sont dans leur grande majorité le fait d'officiers. La prédominance de ce groupe social avec ses codes et ses principes au détriment des soldats, a fortement influencé la perception de ce conflit par leurs contemporains puis des historiens, que ce soit sur la guerre en elle-même ou sur les autres théâtres d'opérations.

4. Les batailles occupent un rôle central dans les témoignages, quel que soit leur support. Il s'agit d'un aspect typique de la littérature militaire que l'on retrouvait déjà à la période précédente et que l'on retrouve encore pour la suivante. Cependant, la centralité des batailles n'a pas empêché les soldats de parler de leur vie quotidienne pendant la campagne et de leurs divertissements. Grâce à ces anecdotes et récits intimes, il est ainsi possible de mieux comprendre les représentations mutuelles entre Français et Russes. L'analyse de leurs témoignages montre ainsi une bonne entente entre les soldats des deux armées qui n'avaient en revanche guère de sympathie pour l'armée britannique.

5. Les documents d'archives contiennent un nombre très faible de témoignages de marins. Et si l'héroïsme des marins russes dans la défense de Sébastopol est reconnu, les missions de leurs homologues français restent largement méconnues et passées sous silence, même par leurs compagnons d'armes. Pourtant, la marine française joua un rôle important tout au long de cette campagne, transportant les renforts, les blessés et le ravitaillement, là où les marins russes étaient impliqués dans la défense de la ville.

6. La guerre de Crimée fut appréciée différemment par les militaires français et russes. En effet, si pour les premiers, la campagne de Crimée fut avant tout perçue comme une aventure et un moyen de montrer leur courage, pour les seconds, il s'agissait avant tout d'une guerre à caractère national de défense des frontières et de la foi. Cependant, dans les deux cas, les militaires n'hésitèrent pas à immortaliser les aspects les plus cruels de la guerre, mettant en avant leur courage, leur stoïcisme et leur abnégation envers leurs camarades — et leurs adversaires dans une moindre mesure. Ainsi, l'étude des aspects anthropologiques de la guerre de Crimée a permis de mettre en lumière certaines zones d'ombre laissées par les historiographies françaises et russes de ce conflit.

**LES PRINCIPALES DISPOSITIONS DE CE TRAVAIL SONT ÉNONCÉES
DANS LES PUBLICATIONS SUIVANTES :**

a) Publications dans les revues scientifiques de la liste recommandée par l'Université russe de l'Amitié des peuples pour la publication des principaux résultats de recherche dédiés aux mémoires de qualification pour le diplôme de candidat des sciences:

1. Линькова Е.В., Де Болливье М. Влияние Крымской войны 1853-1856 гг. на эволюцию взаимного восприятия России и Франции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «История России». 2016, № 15(3). С. 84 - 89. (ВАК) (0,4 п.л. / Авторский вклад 0,2 п.л.)

2. Де Болливье М. «Крымская война в коллективной памяти»: современная западноевропейская историография Крымской кампании 1853-1856 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Всеобщая история». 2019, Т. 11, № 3. С. 247 - 255. (ВАК) (0,4 п.л.)

b) Publications dans les revues scientifiques référencées dans la base de données de citations Web of Science:

3. Линькова Е.В., Де Болливье М. Французская историография Крымской войны (1853-1856 гг.): основные направления и тенденции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «История России». Т. 19, № 1. 2020. С. 240 - 253. (ВАК, WOS) (1,2 п.л. / Авторский вклад 0,6 п.л.)

c) Publications dans d'autres revues :

4. Линькова Е.В., Де Болливье М. Образ России в мемуарах французских офицеров середины XIX в. // Новая наука: проблемы и перспективы. Стерлитамак: Агентство международных исследований, 2016. С. 155 - 159. (0,3 п.л. / Авторский вклад 0,2 п.л.)

5. Линькова Е.В., Де Болливье М. La campagne de Crimée de 1853-1856 dans les témoignages des officiers français. (Крымская кампания 1853-1856 гг. в мемуарах французских офицеров) // La Lange française. М.: Издательский дом «Первое сентября», 2016. С. 24 - 26. (ВАК) (0,2 п.л. / Авторский вклад 0,1 п.л.)

6. Де Болливье М. La Russie et les soldats russes perçus par les combattants français de la guerre de Crimée (1853-1856) // 60 лет Российскому университету дружбы народов: история страны в истории университета. Материалы XXII Всероссийской научной конференция студентов, аспирантов и молодых ученых. М.: Изд-во РУДН, 2020. С. 10 - 21. (0,5 п.л.)

DE BOLLIVIER MARC LOUIS (FRANCE)

**LA CAMPAGNE DE CRIMÉE À TRAVERS LES TÉMOIGNAGES DES
MILITAIRES RUSSES ET FRANÇAIS :
ESSAI D'ANTHROPOLOGIE HISTORIQUE**

Cette thèse est basée sur l'analyse de témoignages de Français et de Russes ayant participé à la campagne de Crimée, pour en reconstruire une image de ce conflit et l'étudier par le biais de l'anthropologie historique. L'étude de lettres, de Mémoires et d'études rédigés par les soldats et officiers permet de souligner l'existence de points communs et de spécificités propres aux militaires français et russes quant à leur perception des événements qui eurent lieu en Crimée entre 1854 et 1856. Cette approche par le biais de l'anthropologie historique nous a par ailleurs permis d'ouvrir de nouvelles perspectives de recherche sur la guerre de Crimée, et d'analyser les différentes idées reçues sur la vie en campagne, sur la violence, la mort, les blessures et la maladie. Mais aussi sur l'ennemi, sur ses forces et ses faiblesses, ainsi que sur l'attitude du soldat au combat et son rôle en première ligne.

DE BOLLIVIER MARC LOUIS (FRANCE)

**THE REFLECTION OF THE CRIMEAN CAMPAIGN IN THE TESTIMONY OF
RUSSIAN AND FRENCH MILITARIES:
HISTORICAL AND ANTHROPOLOGICAL DIMENSION**

Based on the analysis of the epistolary heritage, memoirs, diaries and other testimonies of the French and Russian participants in the Crimean campaign, the dissertation reconstructs and studies the image of the war in its historical and anthropological context. The study of letters, memoirs, notes of soldiers and officers makes it possible to conclude that there are common and special features in the perception of events on the Crimean Peninsula in 1854-1856 by the military of Russia and France. The historical and anthropological approach allowed us to expand the conceptual framework for studying the Crimean war, differentiate and analyze ideas about everyday life in war conditions, about violence and death, about injuries and diseases, about the enemy, its strengths and weaknesses, about behavior in battle, about one's own role at the front.